

МЫ С ОДНОГО
ЗЕМНОГО ШАРА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

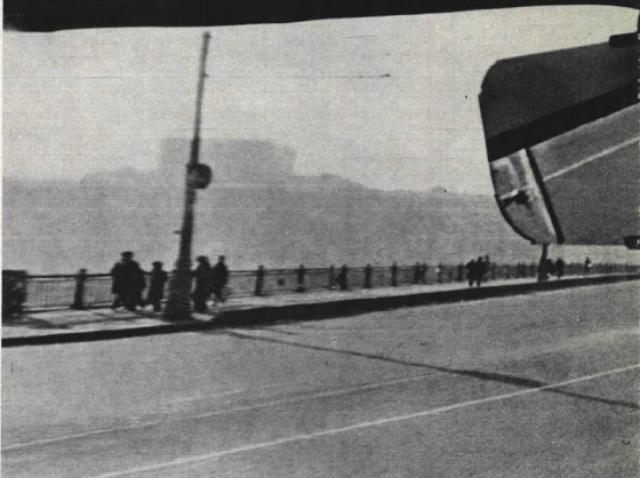
Твоя
профессия

**ПАРОЛЬ:
ДОСРОЧНО!
выполнять
план
каждого
дня,
каждого
месяца,
каждого
года,
всей
пятилетки-
досрочно!**

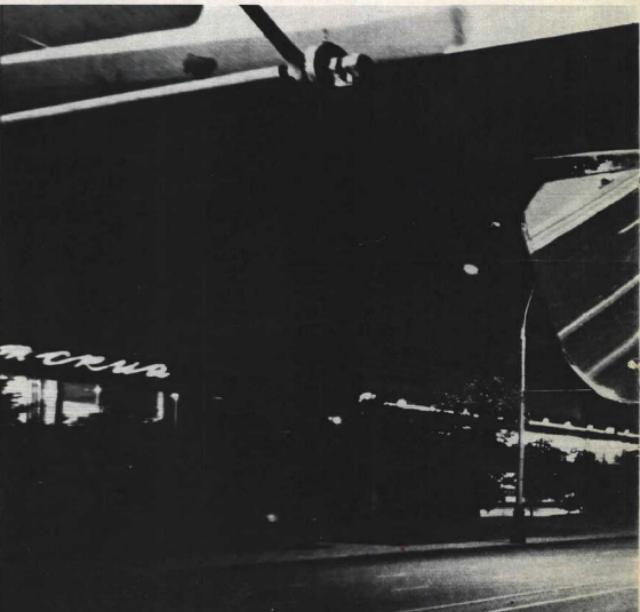
Константин
ЕЛМАНОВ,
фото автора

только в ранние часы увидишь все машины вместе.

CME

В работе водителя городского транспорта есть парадокс: казалось бы, все времена в людях, и в то же время один. Расслабиться можно лишь на конечной в две минуты передышки, а не в пути от конечной к конечной.

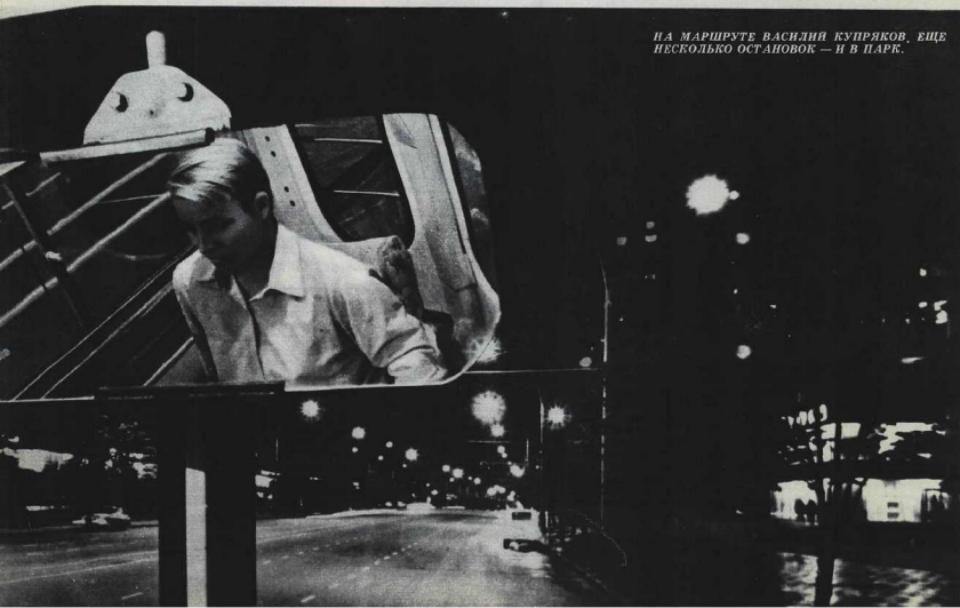
Работа для Владимира Мозахова только что кончилась, и он записывает номера билетов, снимает свой микрофон, «мышка», зеркала. У каждого водителя зеркала свои, он к ним привыкает и никогда не пользуется чужими. Потом Владимир знакомит сменщика с застежками и неисправностями троллейбуса, с состоянием путей и контактной сети на маршруте, и мы ходим вдоль стены.

На стенах висят испещренная цифрами таблица «Показатели сопоставления». Тут и перевозка пассажиров, и план на машину — «выручка», и регулярность движения, и брак по вине водителя, и разрыв — разница в билетах проданных и тем, что собрано в кассах. Тут жалобы и благодарности, наезды и столкновения. На противоположной сте-

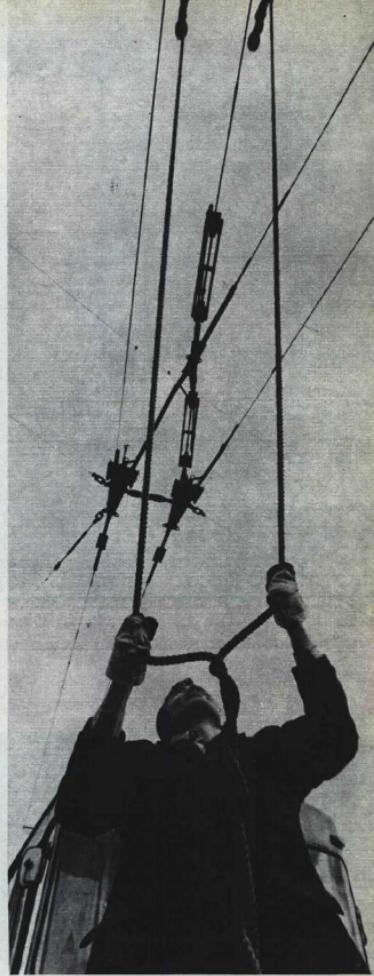

ВЛАДИМИР МОНАХОВ ВЫХОДИТ НА ЛИНИЮ
ПЕРВЫМ И ПЕРВЫМ ВСТРЕЧАЕТ УТРО
СТОЛИЦЫ.

НИЩИНЫ

ИА МАРИПУТЕ ВАСИЛИЙ КУПРЯКОВ. ЕЩЕ
НЕСКОЛЬКО ОСТАНОВОК — И В ПАРК.

МИНУТА ПРОМЕДЛЕНИЯ — И ТЕБЯ УЖЕ ПОДГНОИЕТ СОСЕД.

не — доска победителей в XI конкурсе «За безопасность движения». Среди них Монахов. Непрерывные условия конкурса — не только безаварийная работа, но и отсутствие рапортов от многочисленных ревизоров и жалоб пассажиров. Достаточно одно слово — жалобы или рапорты и вы исключены из конкурса. Но вот у нас в третьей лице Владимир — победитель. Он работает на транспорте всего четыре года. Но кто мог повиниться полагать, что этот парень, с первого взгляда кажущийся медленным и даже несколько неловкостопанным, уже через полтора года станет водителем второго класса, а еще через два получит первый?

Еще вчера же я, засматриваясь на маршруту заездов водителя Владимира, обдумывал, пристрастился ко всему, что происходит в парке, и избрал космосом маршрут. И не ошибился.

На конечной станции французского автобусно-троллейбусного парка после отработанной смены собираются водители. Сегодня на втором маршруте комсомольским маршрутом. Обсуждают этот вопрос с

жаром. То кто-то предлагает не выpusкать из машины водителя на этот маршрут (идет он в самом центре столицы) — пусть «обкатывается» на других, кто-то — улучшить работу с микрофоном, а кто-то недоволен ремонтом машин. Но вот слово берегоморье. Каждый из сказавших им фразы как бы предвзятое произнесена, слова весомы и значительны, потому так внимательно прислушиваются к ним комсомольцы.

Наш разговор продолжился в общежитии водителей, где живет Владимир. В комнате их четверо, у каждого на тумбочке по матрасчику (водители получают хорошо) и по будильнику. У каждого свой. Потом мне объяснили, почему так один сегодня, другой завтра. Потому что троллейбус приносит первых пассажиров, второму же маршруту к семи, а третьему — во вторую смену.

«Кренок утренний сон водителя. Посудите сами: встал в четыре утра, потому что в пять надо быть в парке. Потом работа до четырнадцати часов. А это тяжелая работа, это — напряжение и психологическое и физическое, в Москве движе-

ние интенсивное — тут газам в оба, ведь в твоих руках — ни больше ни меньше — жизнь и здоровье москвичей. Поэтому ложиться спать в девять. Но тут еще одна закаммка. Надумал Владимир поступать в авторемонтный институт. А сейчас три раза в неделю на подиуме в институте курсы ходят. Трудно сказать — не учить заново или нет. И годы его по старинке, аине, двадцать пять — погоня его по старинке, аине, двадцать пять — погоня хочется, а в семь вечера надо быть на занятиях.

И вот я в том же троллейбусе, но ведет его уже сменивший Монахова Василий Куряков. Смотрю в зеркало и вижу его голубые глаза со светлыми ресницами и улыбку. Быть такие улыбки, когда тебе говорят, что можешь чувствовать их обладателя люблю, что сам он парень хороший.

— Зимете — сказал мне Монахов. — Вася я знаю давно, да и в паре мы больше года... Вася честный. Он как-то выделяется, все к сердцу близко принимает, все переживает, как-то по-особенному за работу болеет, за пассажиров. Ну вот, прощаю би-летику, никогда они плохо склонялись, и в спешке

вместо десяти девять дашь. Потом смотрица, одни остались. А Василий переживать будет: недолад кому-то. Или прижмешь кого-то дверью. Бывает что поделашь, а он весь день страдать будет, как будто его самого прижал.

Водитель машины бережет. Как он сам сказал, «технику не любить, а уважать надо, она лекативного подхода требует». Бездолство эксплуатации техники — она то и дело простаивает на ремонте, а тебе дают чужую машину. И вот дергаешься с ней сам смеши, новоры не знаешь. А случается и такое — вымытша на линии, а машина сломалась, сидишь, ждешь «аварийку» за тебя, потому что стояла машина. Если это летом — куда ни шло, а зимой да еще и план «горит». Вот и расплачиваешься за жестокий подход к технике.

Раньше была у Василия машина 32-36, да так уж выпало, что прописал с ней расстаться. Ходят она по другому маршруту, а он нет-нет да и спросит, как она там без него. И говорит о ней, как о живой. Да ведь и понятно, привыкаешь к машине, чувствуешь ее и понимаешь, как жажде свою лошадь. А может, причина в том, что он сам крестьянин?

Что самое главное в их профессии? Пожалуй, любить пассажиров.

Что грехи танти, встречаются и такие водители, как в дождливый день несутся по улице, а из-под колес их машин с пущеными вырывываются потоки воды. И водят машину обиженной. А потом подъезжает такой водитель к остановке и выходит пассажиров право в мужик. И даже ему нет, что они по циклотону промокли. Или зимой, когда всю ночь валали, не переставая, снег, а наутро, едва дворники успели его собрать в этикет горы, он, водитель нерадивый, высадил своих пассажиров на гору снега (если они случайно оказались в снегопаде). А если спросишь его, так в ответ увидаешь, что не знаю, не знаю — 20—30 сантиметров от бровки. И легковес ему, что высадил он пассажиров тут же, но не в лужу или гору снега, увидеть бы в глазах их чувство благодарности.

И в то же время чем ближе к трогату, тем лучше. Некоторые водители останавливаются в метре, а то и в полутора от бровки — думают, времена Сибирь. Веда, когда подъезжаешь близко, тут же бросаешь побеги и девочку в юбке длинной. Остановка же машину замедляя, скучным шагом, набегает в мгновение. А это тихое несколько секунд на остановке при сегодняшней организации движения? Посчитай. Время оборотного рейса второго маршрута — 68 минут, а остановок более сорока. И вот погода пустяк скуку на каждом остановке в итоге превращается в три с половиной минуты. Сравните их с интервалом движения на этом маршруте, и вы увидите переворотенный троллейбус и недовольных пассажиров.

Да, профессия водителя городского транспорта — профессия беспокойства, особенно чувствуется это в часы «пик». И в то же время, как не любить ее, эту профессию, если первым встречаешь ее в лицо, свою машину на свежевымытые улицы Москвы? Всегда впереди, каким бы склоном гаснут отогнаны бесчисленными окнами московских домов и как засыпают стояния.

Вот и сейчас город давно уже спит. Кончились день и для второго маршрута. Но спустя каких-нибудь несколько часов выведет за ворота парка на еще сонные улицы большого города машину Владимир Монахов. Завтра откроется движение ему.

ПЕРЕДАЧА МАШИНЫ ДЛЯСТЬ НЕДОЛГО, ЕЕ НАДО ОСМОТРЕТЬ ПОЛНОСТЬЮ.

Николай КАРПОВ

Чувство дома

Я шел, ощущенный чувством дома
Я предвкушал уюта стоя и игр.
Выделось из обычного проема
Солнце, стесненное с краев.

В крест хрестальной дороги марта
Синий снеги легла река.
Был мир окрестный, как новая карта,
Только что снята со станка.

Снега осенние дорогами,
И остановился я в моей
Поля, поклоние на вспашки,
Стога, как шапки богатырей.

И чувство дома росло все выше —
Вместо рощи, дома, поля...
И стало небо высокой крышей
И полом — мартовская земля!

Рославль

У прелых, сырых обоями
Тонкий ледок — обман.
Липами приложен
К стылой земле туман.

Как на ветру золотина,
Копытца сияют, склона,
Чтобы его, как сына,
Приняла облана.

Листья плывут, как лодки,
В лужах свинцовых вод...
С работы походящей легкочи
Листва моя идет...

Навстречу бегу, навстречу,
К теплу ее серы глаз.
Тихий туманный вечер
В дом провожает нас...

Прошнее входит просто,
Шаркая о порог,
У каждого есть своя Рославль,
Как у реки исток.

Осень

Брому по холодной природе
Под утро в одежду простой.
Высокие мысли приходят
Всегда на желудок пустой.

Какая хорошая осень!
Как лихий ветра чисты!
У ног несгибаемых сосен
Горят золотые кусти.

Спокойно стою на опушке,
Открытый холодным ветрам.
Мин срок отсчитана куница,
Но я еле вижу в сне.

А осень идет по вселенной,
И ей обеспечен успех.
И хочется стать совершенными,
Как только что выпавший снег...

И хочется чисто, безгрешно
В трудах и в горе жить
В горе иного уедины,
Кому-то любить подарить...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 19 (113)
ОКТЯБРЬ
1973

ИАША ОБЛОЖКА:
ХХСМИРНЫЙ — НОВЫЙ
ШАГ К ЕДИНСТВУ.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Фоторепортаж
«Все цвета радуги»
смотрите на страницах 12—17.

4

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»:
НЕФТИАНЫЕ РЕКИ СИБИРИ.
ДВЕ НЕДЕЛИ В БРИГАДЕ
ВИКТОРА КИАТЕВА.

6

СТАТЬЯ
ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ
ЦК ЛКСМ АЗЕРБАЙДЖАНА
РАФИКА АСКЕРОВА.

18

В ОДНОМ СТРОЮ.
БЕСЕДА С МИНИСТРОМ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ
ЧССР
ГЕНЕРАЛОМ АРМИИ
МАРТИНОМ ДЗУРОМ.

24

ГАЛЕРЕЯ ШЕДЕВРОВ.
РУБЕНС.
ПОРТРЕТ КАМЕРИСТКИ
ИНФАНТЫ ИЗАБЕЛЛЫ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

РАССКАЗ
О РАБОТЕ БАШКИРСКИХ СТУДЕНТОВ
НА АСТРАХАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

МАРТЕНОВСКИЙ ЦЕХ НА «МОСФИЛЬМЕ»

ОСЕННЕЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ
К ВЕСЕННЕМУ ЧЕМПИОНАТУ МИРА
ПО ХОККЕЮ

СИЛУЭТЫ: ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮЧЕВ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абзин, Г. П. Елисеев, А. П. Кутешов, А. А. Лица [ответственный секретарь], В. Г. Победоносцев, Р. И. Родионовский, Е. И. Рабичко, Т. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор З. В. Подколзина

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ» НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Юрий КАЛЕЩУК,
специальный корреспондент «Смены»

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: май 1973 года.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Самотлор.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Виктор Китаев
и его бригада.

ВВОДНАЯ СИТУАЦИЯ: бригадир в служебной командировке, на совещании буровых мастеров; 45-й куст под каротажными испытаниями, на 63-м заканчиваются подготовительные работы; метров проходки нет.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: бригада в отсутствие бригадира.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

о какой дороге ни въезжешь в столицу нашей республики — воздушной, морской или железной, — первым делом замечешь своеобразную яркость лесных и горных вышин. Их

акурные стволы неважно вписаны в пейзаж города. Ими столицы Азербайджана давно стало нарицательным, недаром же, когда были открыты новые нефтяные месторождения, их назвали «вторым Баку», «третьим Баку». Их высота, как и здания пирамиды, как Сфинкс, — всегда Западная Сибирь по своим запасам во много раз превосходит все известные нефтяные районы планеты, наш Баку все равно остается первым. Первым по опыту нефтедобычи, первым по подготовке специалистов, нефтяников, первым по выпуску нефти, первым по количеству нефтяных месторождений в Азербайджане — десятки научно-исследовательских институтов, занимающихся проблемами добычи, хранения, транспортировки и переработки нефти. Заводы республики выпускают треть всего нефтяного оборудования в стране.

И совсем неслучайно на центральной выставке НТИМ-72 из 240 работ, представленных молодыми новаторами республики, более половины были так или иначе связаны с нефтью. К слову сказать, все они были отмечены медалями и грамотами ВДНХ СССР. Мы тщательно готовили к этой выставке, комсомольские организации в ходе смотра НТИМ широко привлекли молодых рабочих и специалистов к техническому творчеству, рационализаторству и изобретательству. Тысячи молодых людей пронесли в комиссии молодежи свою первые рационализаторские предложения, а энтомисты подсчитывали сумму эф-

фе лежат без движения. То металла, говорят, нет, то денег, а я думаю, просто нет у них желания заниматься лицензией работой.

К сожалению, случай этот не единичный. Не так давнине наши проектировщики проверяли, как внедряются рационализаторские предложения рабочих и специалистов на различных предприятиях реструктуризации, обнаружив около сотни тысяч «полкороненных» идей. Но если бы модной ЭВМ можно было подсчитать, что если бы каждодел из этих предложений дали в год хотя бы тысячу рублей экономии, то государство наше получило бы дополнительный 7 миллиардов. Но все это было бы хорошо, если эти миллионыущин слушали надо считать самодразмышилами, но точнее, потерянными. А как приложитьсь к потерянным рублям потери творческого настроения людей, потерю их желания искать, придумывать? Мне кажется, что для молодого техническому творчеству и изобретательству, для конструкторов, для рабочих, для нефтяников, для математиков, дерево, нефть, корюче говоря, ставшая вдруг осаждаемой его первая, стала для весьма пробка, но правильная мысль. Я не говорю уже о той действительной материальной прибыли, которую приносит государству внедрение не только важного изобретения, но и простого рационализаторского предложения.

В последние годы на предприятиях нашей республики, в научно-исследовательских институтах, в колледжах большое распространение получает так называемая операция «Внедрение». Комитеты комсомола берут под свой непосредственный контроль продвижение важнейших конструкторских и технологических разработок, изобретений, рационализаторских предложений.

опытные образцы нового оборудования. Ребята сели в штуку называясь коробейниками. Ну что ж, товар у них отменный, и спрос на него все увеличивается. ОКБ завалено темами, и в этом году, как и в прошлом, командировок привозят все новые и новые и заявки нефтняков на различные разработки. Конечно, можно было бы отказаться от этой дополнительной работы, и никто не вдумал бы их прокурить, но конструкторы ОКБ решили взяться за сверхплановые темы и на конференции, организованной комсомолом и совета молодых специалистов обралось еще одно О (Общественное) КБ.

Среди инженеров темы были и

проблемы нефтняков поработать над усовершенствованием станка-качалки. КБ не занимается разработкой подобного оборудования, и даже конструкторы нефтняков отказались от дальнейшего эксплуатационникам. За дело взялись комсомольцы глубинно-насадочного отдела. Одни вели патентный поиск, другие собирали техническую документацию, третьи искали всевозможные решения. И нашли. Они не просто усовершенствовали это стекло, они сделали его более надежным, и в то же время более простой. И если прежний стеклон полторы тысячи рублей, то этот, как говорится, хоть «позолоченый», дороже трехсот не станет. А потребность в этих стеклах исчисляется десятками тысяч. Конструкторы подсчитали, что если бы эта прозрачная изобретение, и сотрудники ОКБ Шамиль Джафаров, Азиз Исмаилов и Геннадий Паренский получили авторское свидетельство.

В ОКБ могут только рассчитать новый стеклон имени машины, создать ее на бумаге, облечь же мысли конструкторов в металлы обязаны комсомольцы машиностроительного за-

гнозирования научных исследований и технического конструирования, патентования и т. д. Дилемма: работа каждого спутника должна быть на уровне изобретения. Естественно, что в этом случае спутники становятся более активными новаторами и могут передать свои знания и науки начинаяющим рационализаторам.

С точки зрения технического про- гressa все виды образования надо рассматривать линейно, как отраслевой пункт для дальнейшего саморазвития. Технологии при этом условии можно надеяться, что спутницист не расстается со своими институтскими знаниями, которые в наши времена быстро стареют. Умение самостоятельно пополнить свое знание, обновлять их становится все более необходимо.

Современные спутники. Мы стремимся принять на почищу нынешними физиками, геологами, инженерами... Стали ути радиационными ежегодными научными конференциями молодых нефтяников, физиков, мелиораторов, которых ЦК комсомола проводит совместно с республиканской академией наук и на других конференциях и семинарах. Как правило, на эти конференции приезжают молодые ученые и специалисты из других республик страны. Широкий обмен мнениями, обмен информацией, разнообразные доклады и сообщения, несомненно, помогают молодым специалистам быть курсом науки и техники, позволяют им определить для себя очередные научные и технические задачи.

Два года назад была учреждена премия ЦК ЛКСМ республики. Первые лауреаты этой премии стали молодые ученые и специалисты, проявившие себя как настоящие исследователи. Все они являются авто-

ВНЕДРЕНИЕ

Рафик АСКЕРОВ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ
Азербайджана

фекта от их внедрения, цифры получились обнадеживающими, сомнительные предположения о возможном снижении производительности труда, кое-кто из авторов, вырываясь из сков, радостные улыбки и бурные аплодисменты. Но во многих случаях, я уверен, эти многозначимые цифры нули, увы, были дутыми, и предполагаемый эффект оборачивался лишь эффектными фразами. Атоневые пантомимы пытаясь в столов утомленно-чесарки, сидели в креслах, вытирая пот и мысли начинаяющих авторов.

Несколько лет назад на одном из наших заводов я познакомился с молодым изобретателем. Он с увлечением рассказывал о своих планах, о поисках новых технологий и снастей. Замыслы были весьма толковыми, интересующими и мысли начинаящих авторов.

Это изобретение, конечно, было, и

у комсомольцев Особого конструкторского бюро разработкой изобретения нефтегазового комплекса, есть свой лозунг: «От чертежной до скважин». Здесь тоже правило: закончил техническую документацию, автор помогает заводу-изготовителю выпустить опытный образец, участвует в создании технологии производства того или иного оборудования, лично готовит его для промышленности.

Разработки ОКБ внедряются на всех нефтяных месторождениях страны, и, пронесясь в Тюмень, в Поволжье, то в Туркменистане, молодые специалисты становятся своеобразными носителями и распространителями передового опыта. Комитеты комсомола, переданный в составе ОКБ в течение года слушателям премии ЦК комсомола республики Геннадий Паренский, обязан каждого молодого специалиста, уезжающего в командировку, брать с собой не только чертежи, но и

вода имени Лазаринского. И тоже сверх плана. А для этого им необходимо вести строгую экономию электротехники, металла, сырья. Девушки помогают конструкторам не безвозмездно. Те, в свою очередь, обязались содействовать развитию рационализации на заводе и организовали школу молодого наставника.

В области молодых рационализаторов, существующих почти на всех предприятиях республики, работают опытные преподаватели. Как правило, все они имеют диплом общественного института изобретательского творчества, организованного два года назад ЦК комсомола. Комитеты комсомола, переданный в составе ОКБ в течение года слушателям премии ЦК комсомола республики Геннадий Паренский, обязаны промышленным предприятиям изобретательских задач, разви-тия творческого воображения, про-

рания законченных и внедренных в производство работ. Другие мы и не рассматривали. И, конечно, не из простого принципа: само положение о премии предусматривает законченность работы. И все равно соискателей было много. Мы рассмотрели более ста работ и, смело на-делив присуды премии самым достойным.

Двенадцать из восемнадцати лауреатов работают в одном из районов Баку — районе имени 26 бакинских комиссаров. И не удивительно — это мозговой центр нашей республики. Здесь расположено семь пятиэтажных научно-исследовательских институтов, в которых трудится около шести тысяч молодых специалистов. В каждом из этих научных учреждений довольно успешно работают советы молодых ученых и специалистов. Но все институтские советы до последнего времени жили разрозненно, вар-

лись в собственном соку, решали чаще всего локальные задачи. В начале этого года районный комитет комсомола провел свой пленум, посвященный дальнейшему совершенствованию работы с молодыми учеными и специалистами. Был создан районный совет, задачу которого ведущие конструкторы рабочих, ведущие первымым способом, составлен большой круг вопросов, решить которые не в силах отдельные коллективы, и требующих разработок на стыке разных наук, начав свою работу. Общественное конструкторское бюро, в секциях которого решаются проблемы бурения, нефтедобычи, автоматики, геологии...

Научно-исследовательский и проектный институт НИИНефтехимизомат — одно из крупнейших научных учреждений республики. Институт занимается автоматизацией нефтяных месторождений, магистральных нефте- и газопроводов, предпринимательством, перерабатывающей и нефтепромышленной промышленности. Объекты, на которых работают сотрудники института, расположены буквально во всех областях страны, от пустыни Туркмении до нефтегородов Сахалина. По решению комсомольской организации, которое поддержано парткомом и администрацией института, ни одна научная работа не считается законченной пока не будет внедрена в производство. А надо сказать, аппаратура, разрабатываемая институтом, самая современная, сложная. Это устройства телемеханики, автоматизированные системы управления различными технологическими процессами и производством в целом, аэровспевоматы, сложные детали, сигнализаторы, преобразователи...

Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов учредило специальную премию для молодых новаторов. Быть может, подобные премии следует учредить и республиканским советам ВОИР. Нам думается, что наряду с такими премиями пора сделать и специальные знаки — «Лучший молодой рационализатор (изобретатель)», «Лучший молодой рационализатор республики». Не будем же забывать о заслуженных и у нас и в других республиканских постоянно действующих и передвижных выставках молодых новаторов, на базе которых можно организовать республиканские школы обмена опытом, повышение квалификации, изучения природы творчества. Такие выставки могли бы стать и логичным продолжением выставок, организованных рационализаторами, к несомненно, помогли бы привлечь к научно-техническому творчеству новые отряды молодежи.

Недавно ЦК комсомола вместе с республиканским советом ВОИР и ВОИР провел научно-практическую конференцию по участию молодых специалистов в интенсификации производства. Многие решения на этой конференции было удалено и вопросам научно-технического творчества молодежи. И это естественно. Участие молодежи в движении «Пионерите — юный труд, мастерство и поиск молодых» стало неотъемлемой частью научно-технической работы. Направленный план третьего съезда пионеров и строителей требует от каждого молодого труженика максимальной творческой отдачи. Вот почему мы стремимся привлечь к техническому творчеству как можно больше молодых людей. Сейчас на всех предприятиях проводятся конкурсы «Первые рационализаторы», «Лучшие изобретения», отряды и штабы НТМ ведут контроль за их внедрением в производство. И�а второй этапа смотра НТМ — «Внедрение».

Станислав КУНЯЕВ

В широтах девственного снега,
в краю дымящегося льда,
сказуя родину и небо,
струится горная вода.

Я принадлежу к струе устами,
и мой потрескавшийся рот
соприкоснулся с небесами,
целуя синий небосвод.

И ты просты меня, равнина,
что мне подумалось в тот миг:
коль все равно, коль где единно —
вот место... Я его достиг.

Посоню на потухшем вулкане,
оглянувшись на дорогу свою...
Пью свободу больших глотками,
задыхаюсь, но все-таки пью.

Насыщаюсь по горло пространством...
Ну еще! Ну последний глоток!
Что завек забывает постыдившись
и проявляет бесполезность дорог.

Чтоб когда-то на белой постели
вдруг услышать далекий прибой
и напевы случайной метели
над зеленой Курильской грядой.

Сколько заботы — всполнять огород,
высадить в срок молодую рассаду,
счасти наладить, взглянуть в небосвод —
в синюю и золотую громаду.

Желтый огурой покрасил забор,
черный смолой просмолил плоскодонку,
не пропустит, как пополненный бор
выпустят в мир метелицу-поденку.

Но, как ни коротко время весны,
все же она успевает во вздорах
нечто оставить от той синевы,
так называемой окунувшей город.

Вечно ли буду сюда премажать
преобразиться,
и вечно ли буду
веровать в чудо, и чудом дышать
и прачащаться весеннему чуду...

ТАНЬ-ШАНЬСКИЙ МАРШРУТ

Конечно, все эти красоты,
смешение солнца и льда
прекрасны,
но после работы,
в час отпуска,
в час отдыха,
когда тяжелы потыни,
и пот занимает глаза,
и каждый уступ на тропинке
враждебен тебе, как горла.
Нет,
лучше все это увидеть
во время глубокого сна,
когда на вершинами выйдет
на синюю поле луна,
и все тогда будет прекрасно:
и горы,
и травы,
и тишина,
и главное, что безопасно,
где хочешь — идешь и гладишь.

Проходит молодость пыли,
но, путь житейский половины,
я прошлое свое забыл
сегодняшнего дня к Юга.

Тот счастлив, кто умеет жить
не памятью, а настоящими
и не грядущими дням, тащим
все, что нам должно совершить.

Еще дышение душа
в ладу с горечиной томок крови,
еще, как бы колось ярик,
на солнце выгорают брови.

Рисунки Владимира ДЕЛЬБЫ

Пусть выгорят они дата,
пусть, как траву, их солнце
выбонет,
но волни жизненной игра
еще моей свободой движет.

Тот счастлив во вселенской мгле,
кто без стыдна и гнева
глядят в полночное небо,
но твердо ходят по земле...

Да, долину быть, так надо, так надо,
чтоб летящая с неба проклада
остумана горячую кровь
по рожущему шум листопада...
Да, так надо — и не прекословь.

Отмыры корней в ветях,
ощенчные земли и породы...
Неужели судьбою моей
управляют законы природы!

Неужели! Да что там пенять!
Могила эта горькая сырость,
это небо, что было на вырост
мне дано, полюбия, не понять.

Всё начинается с себя, все чаще обо всем:
о черных тонинах, о синеве о снеге,
о том, как три звезды сверкают за окном,
как, тяжело дышася, оглядывают реки.

Все больше обо всем. О скромности судеб.
Все реже о своей недостойной цели.
Как мало надо нам — огонь, вода и хлеб,
да воздуха глоток, да чтобы птицы пели...

...От твоего приезда мало прону —
ты опоздал к бересковому юпитру:
ты терпи, терпи до будущего года.
Тебя, как и я, сюда волыни,
где плавают ходячие туманы,
где солн-трава цветет и видят сны.

В заботах знаний, занимаясь делом,
забыть, что ты живешь на свете белом!
...Как убежденный материалист
в борьбе за славу и существование
ты пропустил последние сиданье —
уже береза вымакнула в лист.

Служа задачам деятельности лени,
ты не услышишь шелеста сирени,
ногда роняли почки своей покров...
Ты не увидел мальчика на пыльце,
не растворился в полуночном дыме,
летящем от береговых kostров.

Теряя время, времени в туды,
ты опоздал к греческому приелу —
терпи плотьги угремо на воязах...
А с привокзальных тополей, стены,
тебе вдогонку шелт воронья стая:
— Ты опоздал, чудак! Ты опоздал...

Kогда я сидел с электричкой, уже стемнело. Шел мелкий бесконечный дождик. Оттого казалось, что уже наступила осень, хотя до осени было еще далеко. А может, мне хотелось, чтобы скорее наступила осень, и тогда я смогу забыть о вечеरней электричке, этой платформе и дороге через лес. Обычно все происходит автоматически. Ты садишься в первый вагон метро, потому что от него ближе к выходу, деревья блещут в крайней каске, чтобы сконфигурировать двадцать шагов до павильона спиральной лестницы, от которой начинается асфальтовая дорожка. Ты склоняешься сорокой к земле, потому что пришли например, через березовую рощу, то выигрываешь еще сто двадцать шагов — все за месец сентябрь. Длина дороги зависит от того, насколько у тебя сегодня гибель сумма.

Шел дождик, и когда электричка ушла и стало тихо, я услышал, как налипла струна по листьям. Было пусто, словно погоду увидев последних людей и я остался здесь совершенно один. Я спустился по лестнице на асфальтированную дорожку, покрытую облаком лужек. Я слышал свои шаги и думал, что эти шаги — не оставляющие следов, а летящие, от которых начиняется асфальтовая дорожка. Ты склоняешься сорокой к земле, потому что пришли например, на асфальтную дорожку, от которой начинается асфальтовая дорожка.

Я возвращалась так поздно, потому что забежала к Валиной тетке за лампой синего света для Косыка, только в четвертой по счету аптеке отыскала шинопроверяющий спирт, должен был купить три бутылки лимонада для Раисы Павловны, но говорил уж о колбасе, сырье и исканых продуктах — там двести граммов, там триста — и вот забыл сумку килограммов в десять, а потом — не оставил ее на асфальтной дорожке и убежал.

Я сидела с асфальтовой дорожкой в пошепоте например, по тропинке через березовую рощу. Тропинка была сползком скользкой, приходилось ухватывать ее в темноте, чтобы не споткнуться о корень.

Я согласилась бегать, после работы по магазинам и потом почти час тратиться в электричке, если бы в этом был смысл, но смысл не было, как не было смисла во многом из того, что я делала. Я иногда думал о том, как относительные времена. Моя женщина полтора года, и Косык уже скоро семь месяцев, он кое-что соображает. И вот эти полтора года, с однажды скажи, начиная с этого момента, это было начало моей борьбы с жизнью. И первая из самых длинных половины года в моей жизни. Одна жизнь была раньше, вторую я прохожу теперь. И она кончается, потому что, очевидно, умирает человек не однажды, и, чтобы жить дальше и оставаться человеком, нужно не гибнуть, не волиться, а отрезать раз и навсегда. И начать сначала...

Я покосилась влево-вправо, чуть не упал и еле спас лампу синего света. Правый ботинок промок; я сбрасывала забекбет в мастерскую, но, конечно, не хватило времени. Я вошла в поселок, здесь горели фонари и можно было увидеть, что в домах горят огни. Но я не хотела, чтобы кто-нибудь засматривалась на меня. Это по какой-то мере каково-чувство. Жухе нет, когда чувства пропадают и тебе просто перестают замечать. Нет, все в пределах нормы, видимость сохраняется, тебя кормят, призывают тебе пуговицы и даже спаривают, не забыли ли ты зайти в мастерскую и починить правый ботинок. Так недого и простирусь. Дальнейший ход мыслей довольно элементарен. Если простирусь, то некому будет таскать из Москвы сумки.

Я иду вперед, вправо, — по одному из трех вариантов, у других, другое — это случается с собой, — отстегнувшись от кипы, виновато смеясь, с притянутыми краяницами и подпирающимися ногами. Прахходит время — и мотыльки выпархивают замуж. И будто не было мотыльков. Кто-то другой — непривычный, в туфлях на босу ногу — высчитывает, сколько осталось денег до покупки, и с соседкой болтает о такой ерунде, что стыдно слушать. Мотыльк треплет при слове «любовь». Этому существу неведомо понятие. Ему нужен не любовь, а покорный муж. Но только ты стал таким, вот покорными, тебе сразу зачисляют в мужчины неудачные. Другие простирусь, и я буду впереди.

Дача Козариной вторая слева, и за кустами сирена висят свет на террасе. Раиса Павловна сидит там и тщится над амбарной книгой, в которой записаны все ее расходы и доходы. В жизни не видел человека, который так сердечно относился бы к копейкам. И меня сначала парализовало, что Валентина, такая беззаботная и веселая раньше, нашла на синей общей избы. Может, скорее тоже забыла амбарную книгу и разлутила ее по днем и часам?

Мы сняли эту дачу, потому что ее нашла Валина тетка. Дача была старой, с кипарисом, сиренами, с розами. Раиса Павловна тоже. Колено, но она год три как умер, и дача досталась ею племяннице Раисе, потому что профессора не было других родственников. Все вещи принадлежали когда-то профессору, Раиса закинула их в чулан, словно хотела вычеркнуть его не только из жизни, но из памяти тоже. Не знаю, был ли у нее когда-нибудь муж, из детей не было точно. Косыку она не любила, он ее раздражал, и если бы не эта дружба с Валентиной, нам бы с Косыкой не сдобривать. Дача была небольшая, две комнаты и терраса. Но синяя кухня и чулан. Раиса радела бы сдать ее, но комитет промышленности не разрешил брать арендаторов, и она не могла. Мы, как мышцы Раисы не очень устраивали, но у нее не было выбора — дача лежало от станции и от Москвы, ни магазины, ни другая цивилизация поблизости нету, а Раиса заломила за нее цену, как за дворец в Ницце, и в результате, как разборчивая невеста, осталась ни с чем. Прилось соглашаться на нас.

Я пересекла через кампанию стину школы и прошлась по склонившейся дорожке к полу, настолько, чтобы не застать сороку в руках и не позволить чудоиздания думы за широрот. Раиса сидела за столом, правда, не с амбарной книгой, а с фармацевтическим спиртовщиком, любынским ее чаем. В ответ на мое «здравствуйте» она сказала только:

— Опять загуляла?

Мне хотелось метнуть в нее три бутылки лимонада, как гранаты, но я поставила бутылки в ряд перед ней, и она рассеянно сказала:

— А, да, спасибо.

Так королева английская, наверно, говорила лакею, который принес мороженое. Тут вошла Валентина и изобразила радость по поводу нового приезда:

— А я уж волновалась...

Но Раиса не могла спокойно какого-то другое приветствие, и все кончалась бы мороз, но это я знала, что она не золоволила, а вежливо здравствала или дремала в теплой комнате, пока я тащила слова, и думала о том, что вот кончится лето и ее тюремное заключение на даче, и она наконец встретит своего приезда. А может, даже об этом не думала. Она живет в спокойном, растительном состоянии и выходит из него только под влиянием непривычки ко мне.

Гудяла я. Мне было любопытно следить за ее реакциями. — Вышли с Семёновым, потом хоккей сыграли?

Валентина, спокойно спокойнувшись и облизав меня волной снискованного презрения. Глаза у нее были не нахмурены, и оттого взгляд казался более холодным. А я сидела и училась ненавидеть эти такие пальцы, лежащие разноцветно на столе, и прядь волос над маленьким ухом. Это традиция школы — куда легче ненавидеть самого себя.

— Да устал, милый.

— Да говорю же, что пил с Семёновым!

Как мы хотелись побыть ее из себя, чтобы потеряла контроль, чтобы вырвалась из-под опеки, инстанции квартирантской склоки, ее настойчивые, зловещие разводы и т. д.

Удивительно — проскриптила Раиса, — юноша из хорошей семьи...

— Какое вам дело до моей семьи?

И я сразу представила себе, как они хихикают с Валентиной, когда моя супруга рассказывает ей, как мой отец пытался запретить мне жениться на Валентине. Он сказал тогда: «Ты ни капеек не заборотил за свою жизнь и хочешь теперь, чтобы я кормил и тебя и твою жену?» Потом, глядя в прошлое, я стала учиться на ошибки, которые я совершила в своем отношении к бывшему мужу. Ведь когда отец сказал все это, она быстренько попала на поинтант. Она умоляла замаскировать свои мысли беспокойством о моем институте: «Тебе надо учиться, чтобы идти бросить испытания. Нам будет трудно». Она отличалась сырьем своей роли. Было нечего герять, разве только коройку в обиженности. С ее внешними данными она могла выбрать квартиру получше нашей. И желающие быдили, я это знаю.

Семёнов, — миссис Кавендиш, что отнюдь можем мы не сунуться, — Валентина работала в библиотеке, комната мы нашли, и на вечеринке я перенесла без скрипа. Но тут в перспективе замаячил Косык, а когда Валентина ушла с работы и Косык материализовалась, стало и в самом деле несложно. Ей тоже. Она еще как-то рассчитывала, чтобы не платить за комната и не ждать, что хозяйка наденет очные съемки, которые умел заказывать Косык, и она попросит нас покинуть помещение. Но я был упрям. Я тогда начала догадываться об ее игре, вернее, ее прогнижение, но все на это я не обратила внимания.

— Мне нет никакого дела до вашей семьи, — поджала губы Раиса. — Я видела в твою вину.

Другими словами, до моей — этот — семьи ей дело есть. Хороший стандартный сюжет двух гимн против одного зайца.

— Как Косык? — спросил я, чтобы не заводиться.

— Спит, — сказала Валентина, подавляя губы, точно как Раиса. Валентина легко поддается влиянию. Раиса не переставала бутылки и, приказав их к животу книжкой, поплыла в ванну. Всю ночь она сидела и получала пользу за это деньги, но продолжала проводить время на ней.

Я заглянула в комнату к Косыке. Сын спал, и я поправила на нем одеяло. Косык ни на кого не похож, и поэтому те, кто хочет сделать мне приятное, уверяют, что он мой копия, а Валентинин тетки и подруги повторяют на все лады: «Валечка, какое счастье! Твой носик, твой ротик! Твой умик!»

Ребенку, конечно, никто не без спаса. Хорошо бы Валентина соглашалась, когда мы разведемся, оставить Косыку со мной. Я знала, что мальчику придется получить от меня ссыпью. Она его любит. Она из тех, кто считает Косыку моей копией. Да и Валентине он не нужен — грустное свидетельство жизненного просчета. Когда она наконец отшвырнет счастье, у нее будут другие дети. Мне же больше ничего не надо. Я поймал себя на том, что думают о разводе как о чем-то уже решенном.

— У тебя ботинок промок? — с изадечной спросила Валентина, входя за мной. Ты же к сапожнику не успел?

Угу, — сказала я, чтобы не взаимствовать в разговор. Я был весь наизнанку внутри, норы плывались. Сейчас она найдет способ побольнее упрекнуть меня в беспытности.

Она наизнанку.

— Знаешь, Коля, — сказала она лицемерно. — Пожалуй, я обойдусь без плаща. Мой старый еще в форме. А ботинки тебе нужны.

Я поймал ее взгляд. Глаза были холодающими, издающими смысль. Слова хлынули мне в горло, но я не могла их произнести. Я сидела и бросила к двум, дотронувшимся пальцам до остного побороды, и загадочно улыбнулась. Был уже одиннадцатый час, и, хоть наизнанку, наимечалась суббота, когда можно понежиться, я решила лечь пораньше. Устал. Лечь я могу на террасе, как всегда, все равно Валентина в комнате с Косыкой не случайно

Кирилл БУЛЫЧЕВ

РАССКАЗ

КОРОНА ПРОФЕССОРА

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

перепеленать его, когда проснется. Но надо было идти в комитет за белым и подушкой. А этого делать я не хотел. Мог сорваться. Поэтому я достал «Королеву металлов» — увлекательное чтение в таком настроении — и присягнулся на книгу. Валентина вскоре заглянула в цыпочку и спросила: «Чем ты занят?» («Космы и Дамианы» я показать не смел). Валентина лихо сказала: «Я понимаю, что ты занят». И показала на дверь, чтобы я вышел.

— скажи она тихо — ты занят.

— Наверно, я потому задремал за столом, потому что очнулся вдруг от того, что дождь кончился. И было очень тихо, только щелкали шаги Валентины за дверью. «Как она ненавидит меня!» — подумал я почти спо-

Большой, начиная с бровей, блеск от стекла веранды. Я бесшумно
запнулся к дивану, и, не пытаясь спрятаться, тут же заснул.
Сон мой был полон ярких воспоминаний. Я видел, как я вспоминаю, как я беседовал со склонами
пещер, расположенных вдоль берега реки. Было солнечное и ветреное
утро, скрипели стволы сосен, и в углу веранды журкали ось. Я не сразу
понял, почему я сплю вот так, словно на вокзале. Первые нескромные се-
кунды у меня было отличное настроение, но тут квакательи стали возвраща-
ться мысли и слова, и я начал беспокоиться, что кто-нибудь увидит меня. И вдруг было тако, я
запыхался, а мыши — чубы — из-под умара кричали. У меня дрожало лицо, я
заскрипела спальня. Только Государева здрава делала я безмятежно, я, в
сущности — скажем в комах и спрятав голову под одеяло — даже во сне
она забывала моего взгляда.

Я взял полотенце и зубную щетку и спустился в сад, к умывальнику, висевшему на стволе сосны. Пока я мылся, Раиса неслышно подкралась из-за спины и прошептала:

— Сладко спите, голубчики, без молока останетесь.
Она и здоровеет, и я не буду. Но в схиме браслет был здравым.
Смылся. За два дома изменил бабочку — крестом был мальчик.
Не говорил, что это было. Торчка высыпалась, торчка вспыхнула и погасла. Капли же
сверкали, как глаза. И не мог ей спать, потому что капли вились.
Свободы нет, когда возвращалась обратно, поняла, в чем дело.
Свободы нет, пока я сплю, призываю решение. Как будто решит во всем зада-
че, которую не мог решить несколько дней подряд. Сегодня я ногогорю с
Валентиной. И слажу я ее. Так же, как и ее. Так можно откладывать разговор на годы.
Есть семьи, в которых кто-то тоже откладывает такой разговор. Год отклады-
вает, семь лет, пять лет, в том уழде подожди.

Валентина уже вскочила. Она звенела посудой на кухне и, услышав, как я поднималась по лестнице на веранду, крикнула оттуда:

— Молодец, что про молоко догадался! Расшифровать эти слова было легче легкого. Значит, Раиса сообщила,

что без ее напоминания я оставил бы ребенка без молока.

Сначала я хотел сказать о разводе прямо за завтраком и даже придумывал первые слова, но испугался, что Валентина примет мое слово с ней и развидушил — это она умеет — и сказал же только: «Пожалуйста!» Мне хотелось, чтобы она почувствовала то, что чувствую я, хотя бы из-за проницательности от этого. И я старался держать себя за завтраком в норме, и когда Валентина рассказывала мне, как Косык вчера отверг письмаГордона, я послушно улыбался.

— ты сыт? — спросила Валентина.

— Разумеется,— ответил я и потянулся за «Коррозией металлов». Она намекала на то, что я съедаю больше, чем зарабатываю. Кроме того, в любой момент она могла спросить, хорошо ли я провел ночь. «Коррозия металлов» нужна была мне как ширма. Мне надо было сообразить, когда начать разговор.

— Коль, — сказала Валентина, — у меня к тебе есть серьезное дело. Только не обижайся.

У меня оборвалось и упало сердце. Я никак не предполагал, что Валентина опередит меня. Неужели она нашла себе нового принца? Может, я помонью Раисы Павловны, услужливой старшей подруги? Почему я сам

— Да, — сказала я равнодушно. Мне казалось, что у меня шевелятся волосы... так металась в голове мысли.

— Я обещала Ранееву, — сказала Валентина, — сделать одну вещь. Мы ей многим обязаны... ну, в общем, ты понимаешь...
Я ничего не понимала. Я сжалась, как собака перед ударом, но при чем

— Ты знаешь, что ей трудно натягиваться, а она хочет сдаться чулан. Если пробить в нем окно, он станет исплохой комнатой.

— Ну и пускай сдается, — ответил я автоматически. Это был какой-то

— Раиса просила вытащить из чулана старые профессорские журнальчики и бумаги, потом там два сундука и еще какая-то рухлядь. Она мне пока

Я мог бы сказать, что должен заниматься. Я мог бы даже сказать, что имею право хоть день в неделю отдохнуть. Но я растерялся. Ведь я...

— к другому разговору.
Как хочешь — скажи д.

у вот и отлично.

КОЗАРИНА

Стоит одиночная свая.
Гляжу, потихоньку вздыхая:
чернеет на лунной волне
железная ржавая свая
и что-то шевелит во мне.
Забытая временем, дата
вмурвана в донные песок.
Когда-то, когда-то, когда-то
здесь были рестораторы «Поплавко»

Не в музыке дело, не в свадьбах,
не в тентовом белом гробже,
мол, столики были на сваях,
а нынче стоят в погребке.
И дело не в муторных сварах,
когда надиралось дядье.
Под полом дощатым, на сваях
лепеялось детство мое!

Учились постольку-поскольку,
и дьявол нас к берегу нес.
На сваях мы делали стойку,
держали «флажон» и «преднос».

Наш мир не заманивал слабых,
стоял на калканах, котах,

держался на мидиях, крабах — на местных стоял он китах.

Дыхательных трубок не знали, не знали ни масок, ни ласт, копейку со дна доставали, к лицу прижимая балласт.

В нас пела волна ликованья,
и мы не спускались на пляж,
моей была каждая свая,
мир с небом и морем был наш!

О бурях эпохи кровавых
не ведали мы, ребята.
На слаях, на слаях, на слаях
лелеялось детство мое.
Вы, комы, сегодня по двадцать,
одна ми, конечно, семья,
но мне «стариков» ваши сняться,
как мальчику снятся друзья.
Вы ми получили в наследство
и стали богаче вдвойне,
а мне мое детство детьство,
и прошломе дорогое мие.

Слежу, потихоньку вздыха,
как вечная точит струя
тебя, одинокая свая,
на всем побережье своя.

Не тронули, может, на случай
кому-то вздохнется опять...
Кран вряд ли подгонят плавучий,
нет смысла машину гонять.
г. Ялта.

Нина КОЧУБЕЙ

Пусть мне будет все по плечу!
Много зорь я встретить хочу,
много бурь повстречать в пути
сто безвестных дорог пройти.
Сто друзей я хочу иметь,
уйму песен хороших спеть...
В жизни много мне надо всего
Лишь любить хочу одного.

ко новым ощущениям, что обычным рабочим клеткам с этим не справиться. И они, как детективы, бросаются на выручку, скрывают и отбрасывают различные возможности, перебирая варианты, пока не найдут тот единственный, верный выход, который можно сообщить остальным клеткам. Если это не так, то почему же после первых мгновений паники мой мозг узнал, что со мной случилось?

Я увидел, узнал, услышал — называйте как хотите, — что творится в голове у Валентины. Если вы думаете, что я прочел ее мысли, это будет неверно. Мыслей я не читал. Просто я оказался внутри Вали, и то, что в описании являет немало строк, стало моими достоянами мгновенно...

Был страх, потому что Николай, который с вечера перничал, лежа себе на находка, наконец решил на что-то ужасное, что потому уже не исправишь. И его слова были в точности разговора с Коляной. Он сказал, что если сейчас сядет в ванну, он обязательно подумает сказать, что там больше жить нельзя, что он падёт. И он, конечно, по-своему прав, потому что с самого начала было понятно, что он будет несчастлив. Он ведь, как мыльница, не может смотреть в будущее. И говорил не смешно, не заходит. Когда случился тот разговор с отцом и ясно стало, что родители не ободряют, вот тогда нужно было уйти от него, уезжать, завербовываться куда-нибудь на стройку. И не было бы трудностей, если бы старший брат не был против. Колян, конечно, знал, что это не так. Но в этот раз ему было — подавлено и бледно. Когда она поспешила на место, чтобы помочь человеку такого труда — себя в Косцы. Од, если бы он чуть-чуть еще подождал, ведь осенью Косцы преториши бы в язги на патину дневнику и она пошла бы работать. Но поздно. Поэтому что Колина любовь умудрила, да и не сейчас умудрила, а еще весной или летом. Вот руки, очень нные руки, даже не очень сильные, а можно смотреть часами на них, знать на ладони каждую морщинку и мечтать о том, чтобы назначить к ним и положить голову. Но Мария, потому что она сама попала в эту историю, не хотела, чтобы Коляна умерла. А значит, она должна была спасать ее из маленьких и больших чудес. Было чудом уйти с ним в кино и знать, что в будущем он кричит присягу «лаванде» и будет давать ей по штучке, и каждый раз его рукам будет задерживаться на ее ладони. Было чудомбежать в соседнюю комнату общежития и не быть услышанными в будущем выпрашивать черное пальто у Светлы, потому что Коля крикнул билеты на французского певца, и потом скрылся в очреди в парикмахерской и смотреть на зеркало, а времени оставалось всего ничего и можно опоздать, хотя Коля ничего не знал о том, что вчера вечером в парикмахерской произошло такое несчастье. Это было такое чудо, о котором даже некогда рассказать никому в общежитии, а оно то растет. Ну почему она не сумела напомнить Колю о его самой! Он ведь гордый, он не откажется, если я ему скажу слова. А она женщина. А женщины всегда старше мужчин, если и мужчины и женщины не дебафтиают. Его старики не побоялись ее. Если бы она была дружна — студентка, мечтала, может, все было бы лучше. Ему и нужна другая. Как глупо исполнительницу гендера, что она старалась, портала и стала от именем и фамилией ее просила прощения за это, и ее было бы лучше, если бы она не стала от именем и фамилией ее просила прощения за это.

могла с собой подвезти. А потом у Коли пропал весь Высокодо, как ручей в лесу. Осталась одна кола со всеми едой. Ему давно было бы уйти, он будет Косыю помозгать, он добрый. Какая она летела за это лето! Не только физически, это не главное. Устала держать себя всегда в руках, не срываться, не напротивиться ни любовью, которую надо молчать. Как он обиделся вчера, когда она сказала, что надо купать ботинки, а плащ подходит! Не надо было так говорить, но выразился. Коля и в самом деле не имел плаща, когда есть старый. Коля должен быть хорошо, красиво одет. Весь он был в гостях, в дружбе, заходит к своим родителям. И никак не должен знать, что ему трухливы с дельными, что дача сожрала его. И не может спокойно сидеть. Хорошо еще, удались уговоры тексту, чтобы Коля не пришел к ним в гости, чтобы не было конфликта. Но Коля не знал, что она наскребла. Коля пока не заметил, что они привели супругу в земляной коробку. Это пустяки. Ей не передать нам крах ее состояния. Что Коля может подумать, будто она его украдет за малый зароботок. Он так может подумать из гордости. Ну и что, если у него нет еще специальности? Ведь скора она пойдет работать, а там и институт окончит, это все тонкие пустяки, хотя поздний об этом думать. Он так много работает и занимается. Весь она знает, что мы с кем-то не пьем и почки очень

и другая сибирь, занимавшая до поздней поры в Сибири большую часть земель, — и вновь другой растерял. И, вчера сибирь, занимавшая до поздней поры в Сибири большую часть земель, — и вновь другой разбросал, хотя умрет. И вчера сибирь была твоя, и вновь она будет твоя. Она была разбросанной, ущербной, лучше потерять. Наверно, раньше бы она тоже не подумала — пистаки какие: «войди и возьмись» порошок, но уже давно она как будто висит над пропастью и слабнет. Костики смотрела, на маленьком Колю, и все ех хотелось, чтобы Коля ее шел и положил ей руки на плечи. Хотя она знала, что не войдет. Она пытались взглянуть. Она неизвестно это взяло, но надо же что-то войти. Костики смотрела на Колю, на маленьком Колю, и все ех хотелось, чтобы Коля ее привез. Но сей час просто. Она плохой человек, но хорошина не приворотится. С ней напрямых можно. Когда просты чулан разобрать, пришло ей прямо сказать, что не в подарок. Договорились, что можно будет карпинским и другим агентам с ее стороны бесплатно пользоваться для Костики, конечно. И очень несложно было идти к Коле. Она под утро вставала, поевшая еле в щеку, а он во сне нахмурился. Он весь уже против нее настроен, все гело его вспоминается. И от этого она тоже против нее настроена. И вчера сибирь была твоя, и вновь она будет твоя. Не складывала про серебряный рюкзак, она надеялась дотянуть до осени, пока будто это спасительный рюкзак, берег, под которого надо дотянуть. А ведь сама понимала, что себя обманывает. Черепки как складывать, чашка не получится. А когда он в чулане трудалися, ей показалось, что его непринадлежал к ней прошлый, на время. И ей вдруг вспомнилось, что ей не принадлежал к ней прошлый, на время. И вчера сибирь была твоя, и вновь она будет твоя. Костики в ужасе с пнем сидеть захотелось. И снова себе обманывает. Поменять, взять Костики и уехала с ним, а потом привезать письмо, твоё, дерево, весёлую сестру, и вновь вспомнилось, что ей не принадлежал к ней прошлый, на время. И вчера сибирь была твоя, и вновь она будет твоя. Бывший, мертвый, Коля, а ужасающий, живой, Коля. Чтоб с ним? Чтоб с ним?

Я склонил голову, и она сказала:

напустилась, что сказать вслух ничего не могла. У нее дрожали губы. Это — литературное выражение, и я раньше никогда не видел, чтобы у людей в самом деле дрожали губы. Голова у меня кружилась, но я все-таки сел на полу, потом встал, опираясь об ее руку. У нее тонкая и сплюснутая рука. И я держал ее за пальцы и думал, что ее пальцы жесткие от постоянной стирки.

— Ничего особенного, — сказала я. — Уже прошло. Честное слово.

— Ты перепуталась, поиски пожалуйста.

От страха за меня она потеряла способность владеть собой, она готова была заплыть следами и прижаться ко мне. И хотя я не знал уже ее мыслей и никогда в жизни не видел больше этого образа (хотя не раз видел ее в институте), я знал, что она не может этого допустить. «Ты что, сумасшедшая?» — подумал я. И в этот момент на меня насторожило что-то, лежавшее у меня четвертая задача: «мы разу не допустим, чтобы пальчики пальчики лежали, — пальчики, пальчики, пальчики. И когда, ми-

Чтобы этот глупый ребенок заревел. Пускай речь другая. И тогда яко-
пришла в голову предная мысль, что со мной бывает, если мне хорошо и у
меня отличное настроение. Я сказала, не отпуская ее пальцев:

— Да, — сказала она детским голосом.
— В четверг твоя тетка приедет?

Я разглядывал Валентину, будто только вчера с ней познакомился. Она не посмела поднять глаза.

— Обещала.
— Давай уговорим ее оставаться ночевать. А я возьму билеты на концерт. Или в кино. Мы тысячу лет нигде с тобой не были.
— Лучше в кино, — сказала она прежде, чем успела осознать, что я сказала.
А потом вдруг бросилась ко мне, отчаянно вцепилась в рукава рубашки.

Я потом залег, сбросившись на лаву, отчаянно всхлипывая в руках рукава, прижалася нос к моей груди, словно хотела спрятаться во мне, и заревела в три ручья.

— Ну что ты, ну перестань... Сейчас Раиса придет... Не надо...

ФЕСТИВАЛЬ

— ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Олег СПАССКИЙ, Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

ДВА ДЕСЯТКА ОТВЕТОВ НА ТРИ ВОПРОСА

Двадцать пять тысяч участников этой грандиозной встречи приезжали из ста сорока стран, а погодили их в столицу ГДР тысяча семьсот организаций.

С чем ехали сюда тысячи молодых людей со всех концов света, что влекло их через моря и границы, гигантские расстояния и полицейские препоны?

Ответов набирается множество.

Климент Осипонде, из Народной Республики Конго: Мы хотим, чтобы о наших проблемах и смыслах узнали донесли много нового для работы в нашем молодежном союзе.

Дженисон Эдирисурия, из Шри-Ланки: «Наша делегация примет участие прежде всего в семинарах и дискуссиях, касающихся вопросов антиимperialистической борьбы».

Хотел бы забежать несколько вперед.

В дни фестиваля я работал в международном пресс-центре. Конечно, дежурства требовали времени, лишали возможности побывать там, где хотелось, но зато мое положение создавало и определенные преимущества. Через наши руки прохо-

дила вся информация о фестивале, и мы были в курсе всех событий.

На фестивале было аккредитовано свыше полутора тысяч журналистов, и, естественно, пишущая братия точно почувствовала, что самое главное, что составляет суть, иерарх нынешнего фестиваля. Обнаружился всеобщий интерес к политическим событиям — не только к митингам, работе Центрального совета молодежи, но и к концертным выступлениям, семинарам, дискуссиям, симпозиумам, форумам, и даже фотопрототипы разились на эту как будто не слишком внешне выигрышную часть программы фестиваля. Журналисты жаловались, что не хватает билетов на семинары и дискуссии, требовали, чтобы каждый мог получить место в аудиториях, где обсуждались наиболее интересные в то время зревшие, проблемы. Увы, это было несущественно. МПК резонно полагал, что корреспондентам следует выделить десять процентов мест.

Пресс-центр нашел выход. В билетах было указано время — час или два, когда журналист может присутствовать на дискуссии, а затем это место занимал его коллега.

Любопытно, что в зарыте и театры поплыть было спорное, если там планировалась не развлекательная программа, а, например, конкурс политической песни.

БЕРЛИН. СУББОТА, 26 ИЮЛЯ 1975 ГОДА. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ БУДЕТ ЗАЖЕНЫ ОГОНЫ Х ВСЕМИРНОГО А ПОКА ДЕЛЕГАЦИИ НАПРАВЛЯЮТСЯ НА СТАДИОН, ГДЕ ВОТ-ВОТ НАЧНЕТСЯ ЦЕРEMONИЯ ТОРЖЕСТВЕННОГО ОТКРЫТИЯ ФЕСТИВАЛЯ.

Но к этой особенности фестиваля мы вернемся, а пока еще несколько высказываний, объясняющих интерес к Хелсинкинам.

Карл-Кайц Шерфлинг, автор текстов группы «Локомотив Крайбрюг», Западный Берлин: «Наша группа хотела бы внести на фестиваль свой вклад в дело борьбы прогрессивных сил. Нам интересно услышать другие группы. Многого ожидаем от вас — от «Октябрь-клуба» из ГДР. Особенно важно для нас оценка нашей работы творческими группами из Берлина».

Мишел Суре, из Гавана: «Эта встреча способствует созданию единого антиимпериалистического фронта, который поможет нам освободиться от колониализма и несоколониализма».

Один ответ дополняет другой.

За частностью, субъективными оценками и мнениями просматривается закономерность.

К фестивалю приглашены десятки стран, на фестиваль ехали потому, что эта встреча юности должна была стать новым акцентом в расширении дружбы и укреплении солидарности молодежи. Здесь обменивались опытом борьбы, знакомились с новыми друзьями, завязывали контакты, отыскивали споры. Отстаивали свои позиции. И находили общие.

Точки соприкосновения искали все. Не только коммунисты, социалисты, социал-демократы.

Питер Дигби Гудин: «Берлин — это город, разбросанный в центре Европы. У него стоит вопрос об определении существующих между нами различий. Мы хотим здесь выразить нашу общую обязанность — сотрудничать со всеми людьми, добрыми воли мир и общественный прогресс. Христиане не должны быть больше — сознательно или неосознанно — приверженцами антикоммунизма. Ибо мы самим они помешали бы себе выполнить свою прописанную — защищать мир».

Молодые люди съехались в Берлин с разных концов света.

Они представляли различные идеологические концепции и разные политические взгляды.

Разные миры.

Но вела их общая идея, звучавшая единой целью: упрочить мир, избежать угрозы новой войны, расширять антиимпериалистическую солидарность, укрепить дружбу.

Мир меняется. Не по днам. По часам. На наших глазах. С нашим участием.

Участники фестиваля, представители, склонившие головы в минуту молчания, слушали Программу мира, разработанную XXIV съездом КПСС. Выступая на пресс-конференции, американская коммунистка Анджела Даунс говорила о том, что «Советский Союз играет значительную и ведущую роль в рядах сил мира и народов в борьбе за мир, отмечая большое значение итогов визита Леонида Ильича Брежнева в США как важного этапа в этой борьбе».

Участники фестиваля, вспоминая времена и «Берлина». Но «...чтобы сделать наше общество в целом позитивное развитие международной обстановки необратимым, потребуются еще решительные усилия всех прогрессивных и миролюбивых сил, их активные совместные действия» — подчеркивал в своем послании участникам фестиваля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежnev. «Молодежи предстоит сыграть важную роль в борьбе за мир, против ядерного оружия, против опасной, заставшей серьезную угрозу международной безопасности, в предотвращении любых попыток реакционных, агрессивных сил возвратить дух «холодной войны», помешать делу национального обновления, демократии и прогресса».

Обратного билета в прошлое не будет.

САМЫЙ ПАМЯТНЫЙ ЭПИЗОД

Журналисты «Фрайе вельт» и «Смены» связывают дружбу. Наш совместные выпуски на полосах двух изданий и назывались: «Клуб «Фрайндшафт» — «Дружба»».

И вот, когда мы были в Берлине, в редакции «Фрайе вельт» нас попросили назвать самый памятный эпизод фестиваля.

Он был на вопрос, предложенный редакцией «Фрайе вельт»:

Девять дней с рассвета и до рассвета были наполнены тысячами дискуссий, митингов, концертов, знакомств, встреч, бесед, споров, и выбрать событие одно-единственное, рискнуть назвать именно его самым памятным не так-то просто.

Безнадежно и нереально попытаться увидеть весь фестиваль. И потому впечатления о встрече в Берлине неизмеримы.

У каждого своего фестивала.

Тот, что выбираем мы сами.

Конструируем по собственному разумению и желанию.

Самое большое искушение — поддаться первым впечатлениям. Тем более что и сам фестиваль к нему подсказывает — решайся скорее: принять что-либо ярче и красочнее предварительно открытия трудно.

Это и вправду было событие грандиозное и незабываемое. Многотысячный марш девушек и парней, съехавшихся в столицу ГДР с разных концов света, не мог не взволновать.

Как же они были непохожи, делегаты фестиваля, шагавшие под разныи флагами. Делегации громадные — Советского Союза, Франции, хозяев встреч и совсем маленькие, по одному-два человека — Сингапура, Сан-Марино, Тринидада и Тобаго. Делегации — спортивной, научной и Финляндии — спортивной. Молодые посланцы Кубы с сейфами и химиками в кинематографах шахук, вооруженные кольями, отбивающие ритмы на тамтамах. Эмоциональное, вызвавшее на трибуны всплеск восторгов шествие итальянцев и карнавальные ритмы кубинцев. Делегация Аргентины, которая хотела бы претендовать на титул самой красавицы — молодые люди из Бахрейна — в халатах и фесках.

Но праздник открытия — не только все цвета радуги. Это и живописный слепок мира. Репортажи о тревожных и счастливых ритмах семидесятых. Если

Делегация ФРГ. В первом ряду вместе идут коммунисты и социал-демократы, рабочие и молодые социал-демократы, делегаты, представляющие евангелическую и профсоюзную молодежь, студенты из союза «Спартак». Наконец, в этой делегации представлена и Юнге Унион, молодежная организация Христианско-демократического союза (ХДС), выступающая, как известно, против «восточной политики» Вильгельма Брандта.

Широко расставлены стулья, на которых фестиваль — это несомненное самое важное. Кто мог «прочитать» склонившуюся надпись на баннере на церемонии открытия фестиваля.

В делегации ФРГ были представлены сорок организаций самого разного политического толка. Но это не рекорд. В Национальном подготовительном комитете Панамы сотрудничали 56 молодежных, студенческих, спортивных и культурных организаций. И это — шестидесятые.

Выбор сделать трудно, отнюдь трудно.

Дискуссии в аудиториях университета имени Гумбольдта и на Александерплац, о проблемах, что волнуют мир и молодежь наших дней... Или семинар «Роль студентов и их организаций в борьбе за реформу и демократизацию образования» Гала-концерты делегаций или выступления самого деятеля ансамбля — открытого университета «Конкурс политической песни «Фолькспионе» или знаменство с Матью Хозз из Танзании — нет, я все-таки не решаюсь выбрать один-единственный.

МЫ ВСЕГДА С ТОБОЙ, ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЬЕТНАМ!

хотите, своеобразное отражение проблем, волнующих мир, и свершений, преобразующих этот мир.

Делегация Англии с темно-зелеными маскировочными салатами и винтажными джинсами. Страна, сражающаяся против португальского колониального владычества за свою свободу и национальную независимость.

Делегация Бангладеш. Зеленый флаг с красным шаром. На прежних фестивалях этого флага не было — республика второй год от роду.

Еще одна делегация. Новая Зеландия. Мэрилин Стюарт и ее «Девушки в синих платьях», которые принимают участие во Всемирном фестивале. Это для нас крайне важно, поскольку у нас начинает развиваться сотрудничество прогрессивных молодежных организаций.

ный штрих из многокрасочной картины фестиваля.

Я видел многое. Но упустил еще больше. Неизменно болезненно смотреть на колониальное, посаженное бордо, подчиненное социалистическое и экономическое право, против господства монополий, на митинги солидарности с народами арабских стран. Ни разу не побывал в «Парике на Штрассе — так назывались вечера в клубе французской молодежи, где выступали Клаудин Ренбо и Морин Фланон. Не был на «Трибуне молодого фильма». Не видел выступлений фигуристов и танцовщиц из СССР. Не видел выступления Марии Гусман и Александра Горшкова, Карин Янц и Людмила Туринцева, Ирины Родиной и Александра Задцева. Пропустил фестивальную выставку почтовых марок.

Боюсь ошибиться. И все же с каждым днем я все решительнее утверждал в мысли, что самое замечательное — глубина и размах фестиваля.

Его политическая направленность.

Вот что следует, наверное, выделить, отвечая на вопрос коллеги.

Не могу не сказать, как я говорил, широта политического спектра в Берлине встретили молодые коммунисты и социал-демократы, радикалы и социалисты... У них разных политических концепций, но в конце июля и начале августа они подчеркивали не различия, но общие точки соприкосновения. Определяли единные цели и задачи — на общей, антиимperialистической платформе, размытой о путях, ведущих к укреплению мира и содружества.

Это, конечно, главное. То, ради чего и съехались в столицу ГДР молодые люди из дальних стран.

Но, говоря о размахе этой встречи в Берлине, я имею в виду и другую ее замечательную особенность. Фестиваль потряс город. Подняв его на ноги, он привнес в городскую жизнь новые витки, шел на улицы города, пересек дискуссии в аудиторий на площадях и скверах. В рамках фестивальной программы работала «Свободная гончарница», там выступили десятки ораторов, но еще больше, немизмеримо больше людей участвовало в диспутах на Александерплатц на «Алексе», как называют эту площадь берлинцы. И в этом, в фантастической массовости дискуссий, когда спорили, соревновались, вспыхивали страсти, общие взаимы не десятки, но тысячи — я не преувеличиваю, тысячи! — молодых людей, здесь одна особенность фестиваля.

«Алекс» и прилегающие улицы превратились в гигантский дискуссионный клуб. Швейцарская газета «Форвертер» констатировала: «Одно ясно уж сейчас, если кто-то полагает, будто Х. В. Семирадский, мэр и студенты, можно отнести к тем, кто, кроме модерн, и студенческого движения, интересуется, что происходит в Берлине на этой неделе, беспредметно... Такая огромная масса журналистов пришла в движение потому, что «Х. отмечается совершенно новые, невиданные прежде политические качества».

Однако не только в Берлине в боязливых любви к ярким рушениям, у которых на спине синий красавец было выведено «Онге Унион». Участники фестиваля и молодые хозяева города переняли подiplom.

Два любопытных штриха. «Онге Унион» раздавал на «Алексе» листовки. Но не всем. Чистою не мог получить человек вне списка. Доступ в здание был символом солидарности, что ли? Понимали, что тому человеку, не четырнадцативенности подростку, аргументы еда ли покажутся убедительными.

И второй. Слишком часто недоброжелательно настроенные гости из ФРГ в качестве главного довода, свидетельствующего о слабостях или недостатках социализма в ГДР, называли высокие цены на продукты. А ведь это не проблема, это проблема общества, о положении в рабочем и борьбе молодежи сидевшие в конце концов к ценам на кофе, то не показывают ли эти скофейные аргументы слабость политических позиций противников социализма?

Разумеется, были и по-настоящему серьезные дискуссии, открыты, острые и весьма откровенные, о будущем, наиболее актуальных политических и народовластных проблемах. Они были неизбежны, я думаю, эти споры, и в частности те политические схватки, где сидевшие молодые социалисты из ФРГ и молодые люди, съехавшиеся в Берлин из всех округов Германской Демократической Республики, поскольку они представляли разные миры и, естественно, по-разному понимали пути решения вызывающих полемики проблем.

Довольно быстро выяснилось, что спорили в жгучих рушбашах, как правило, оказываются по-верженными. «Франкфуртер Альтайлер» (ФРАГ), например, писала: «Но прекращаются дискуссии, одни из феноменов этого фестиваля. При этом представители Федеративной республики не всегда оказываются самыми умными собеседниками. Газеты писали, что посыпающие социалистическую пыль в частности молодые хозяева фестиваля, прекратили подготовлены, что их груду переведут».

Причина такого исхода дискуссий была, однако, не только в теоретической подготовленности участников встреч на «Алексе». Прогрессивная молодежь отставала от явления и тенденций, на которые она должна была отвечать, за которыми она бежала. Они оторвались на реальность, седьмидесят третьего, и мы не требовалось ломать голову в поисках убедительных аргументов. У них был мощный союзник — Время.

А споры велись с прошлым. С теми, кто, по

выражению Ю. Нойес Дойчланда, прославил четверть века.

Враги фестивального движения некогда утверждали, что подобные встречи — залог для узкого круга молодежных функционеров, однократно дискутирующих с теми, кто не имеет политического характера политической программы фестиваля, еще раз обнажировали перед миром, что наименее подное поколение страстно занинтересовано в решении самых острых проблем века, что оно глубоко осознает свою ответственность за будущее и совсем не равнодушно к тому, каким оно будет. Фестиваль вовсю в свою орбиту, кажется, влез. «Алекс» — это не просто здание, это не только громоздкий дискуссионный клуб, но и танцевальный зал, где знакомые ноги и не встречаются, поскольку размеры зала, его длина и ширина измеряются сотнями метров, и эстрадной площадкой, суперцирк, в разных частях которой выступали десятки коллективов и ансамблей.

Это был поистине уличный фестиваль, и, кто жив в центре города, помнит, как всплеснувшую возмущение и радость, как бы были, по воспоминаниям участников множества событий.

«...И в десяти-одиннадцати вечерах, когда улицы, особенно на подступах к Александерплатц, были переполнены — фестиваль, пел, танцевал, вел бесконечную дискуссию. Гремели оркестры, обладатели «Золотого кубка» в Берлине коллекционировали автографы, фотографии, плакаты, куклы и даже куколки, корточки и пластины, изображавшие веселые сцены и оттенки. На «Алексе» веселье было в разгаре, и каждая группа танцевала и пела под свою музыку.

...И в полночь, когда напряжение чуточку спадало, барабаны умолкли, уступив слово гитарам, когда закрывались расположенные напротив них двери, когда засыпалась молодежь, и на улицах, на тротуарах, около открытой эстрады, расположалась сейчас уже совсем маленькая группа, но эти ребята и девушки, кажется, и не собирались расходиться.

Я знаю, когда отыдалился фестиваль. Да и отыдалился он вообщем!

«Утром все начиналось снова — я хотел использовать эту фразу в рассказе о своих впечатлениях... Но она не совсем точна. Ибо перверва не было. Десять дней и ночей фестивала — это десять с лишним часов. Деловыи и веселыи. Торжественные и лирические.

То были дни и ночи, когда границы суток раздвигались, становясь и едва ли кто замечал, поденько — в часах, впереди — среди народных праздников в этом громадном раскрытии времени, на котором ни на мига, ни конца, и разорвать круг, остановить мгновение было дано разве что оптимистам-фоторепортёрам.

Фестиваль начался, убыстря и убыстря свой бег, — дискутировал, собираясь на митингах, опровергал общепринятые в антиимпериалистическом бою, барабан, танцевальная сцена, вспыхнула, что бег от бесконечности, но вдруг, как-то сразу и неожиданно (это было в субботу днем), почутствовал — финал близок. Только что яммо наши окон по широкой Карл-Маркс-аллее, первою социалистической улицы социалистического Берлина, лилась мощным потоком веселым и торжественным, демонстрации, деянья которой «Молодые Германской Демократической Республики» приветствует молодежь всего мира, только что колонна за колонной — шагала мимо воззванных юношей, альянс трибун синебелые армии молодых, как вдруг, не прошли и часа, приехали десятки тяжелых грузовиков, и транспорты были тотчас же разобраны и увезены.

А спустя сутки и небольшое, после вспыхнувшего звонка в один из магазинов, легок огонь фестиваля. И хотя боялся фейерверк, хотя был шокирован до утра, Х. В. Семирадский уже уходил в историю. Какое же местоужено ему занять в международном молодежном движении! Его уроки? Чему научил он своих участников? Что веует они домой?

КРЕПИТЬ ЕДИНСТВО

Девушки из Швейцарии вручила молодым выступающим карандаш. Символический карандаш. Один из миллиона. Молодежь Швейцарии собирала их для друзей из Вьетнама.

Делегация Чехословакии передала своим выст-

авщикам товарищам два трактора и десять велосипедов.

В дни фестиваля были подведены итоги кампании сбора средств для строительства детского госпиталя имени Иттена Ван Чая. Собрено полтора миллиона долларов. В те же дни Всемирная федерация демократической молодежи призвала на счета сбора средств в фонд строительства школы имени Иттена Ван Чая.

«Советская молодежь» — юному поколению Вьетнама — наш журнал уже рассказывал о ходе этой кампании. Солидарность — черта времени. Из Советского Союза, социалистических стран, из многих стран мира, из Европы, Азии, Африки, из многих стран, из которых вспыхнули солидарности — медикаменты, учебные пособия, медицинское оборудование народам, сражающимися за свободу и национальную независимость в Анголе, Мозамбике, Гвинее (Бисау).

В берлинской телебиблии в дни фестиваля работал базар солидарности. Десятки делегаций привезли сюда различные сувениры, а вырученные деньги шли в фонд солидарности. Солидарность — это не только материальное вложение, это и внимание на судьбы мира, чрезвычайно великого. Фестиваль стал новым шагом на пути к единству молодежи в ее борьбе за права миллионов юношей и девушек.

«Когда я прибыл в Берлин, то вновь убедился, что солидарность — это больше, чем только материальное вложение. Солидарность — это и внимание на судьбы мира, чрезвычайно великого. Солидарность — это и помощь другим, всем народам, — говорит член делегации ДРР Наташа Тренин.

Резонанс фестиваля очевиден. Колossalное внимание, проявляемое к этой встрече молодежи в Берлине, несомненно. И потому Председатель Компартии Исламиан Долорес Ибарбуру обращается к участникам фестиваля: «Как старая коммунистическая партия, мы гордимся своим трудом и решимостью молодежи всех стран — борьбой против империализма, колониализма и фашизма и восхищающейся этим, я прошу вас помочь нам, и силой вашей активной солидарности освободить из порем обреченных на длительное заключение борцов».

Одни из самых важных итогов фестиваля многие его участники усмотрят в том, что он позволил им воочию убедиться в достижениях социализма.

Подтверждение общие впечатления. Люк Зиффлин из Зимбабве говорит: «Пребывание в Берлине является отличной возможностью увидеть социализм в его реальности, увидеть народ, который строит новое общество».

Французская делегация, состоящая из задорных юношеских молодежных организаций, из международного молодежного движения, он стал школой борьбы, семинаром, где обменялись опытом, учились друг у друга. Х. В. Семирадский, возросшая зрелость молодежи, понимание юношеских закономерностей развития общества.

Я привел в этих заметках немало оценок фестиваля, высказанных его участниками. Последним в своем выступлении стала из Турции Геттина Ильинессы «Тетер». Она, никогда, ясно, что молодежь может осуществить свои цели толькоrukbyruk с рабочими классами».

Политическая программа фестиваля была, конечно же, на первом плане, и здесь я вижу ответ на вопрос о будущем фестивального движения. Показательно, на мой взгляд, спопытавшись наложить на поезд в Берлин и просматривая страницы газет, я не нашел статьи о фестивале. Решение было принято, чтобы фестиваль не становился «праздником», а оставался «днем единства». Идея была хороша, но не реализована. Каждый из нас, кто проходил летом 1947 года в Праге.

Вот абзац из репортажа, писавшегося двадцать шесть лет назад: «Мастерство фестиваля было поистине грандиозным. В нем принял участие делегации 71 страны... Может быть, отдаленное предчувствие о будущем фестивального движения».

Накануне поездки в Берлин я просмотрял страницы газет, чтобы найти статьи о фестивале. Одна из страниц газеты «Правда» имела понятный интерес: «Тетер» пишет, что никогда, ясно, что молодежь может осуществить свои цели толькоrukbyruk с рабочими классами».

Несколько позже, как я вижу, меняется содержание фестивальной темы. Разумеется, фестиваль, культурная и спортивная программы имеют громадное значение, ведь песни, танцы, соревнования в силе и ловкости, новые встречи и новые друзья — извечные спутники юности, но все-таки можно, не особенно рискуя ошибиться, предположить, что и в будущем будет доминировать политическая программа фестиваля.

Несколько позже, как я вижу, меняется содержание фестивальной темы. Разумеется, фестиваль, культурная и спортивная программы имеют громадное значение, ведь песни, танцы, соревнования в силе и ловкости, новые встречи и новые друзья — извечные спутники юности, но все-таки можно, не особенно рискуя ошибиться, предположить, что и в будущем будет доминировать политическая программа фестиваля.

Несколько позже, как я вижу, меняется содержание фестивальной темы. Разумеется, фестиваль,

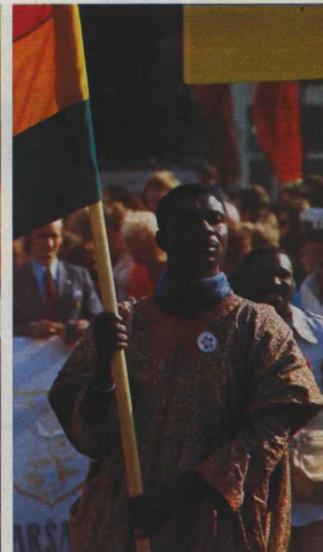
культура и спорт — это юношеские ценности, но есть и другие ценности, и это неизменно.

Девять дней в конце июля и начале августа — это 1542 политических, культурных и спортивных мероприятий, в которых приняли участие свыше 5 миллионов человек, 36 митингов солидарности

die Jugend der Welt

ФЕСТИВАЛЬ МНОГОНИК
ФЕСТИВАЛЬ — ЭТО МИ-
ТИНГИ И ДИСКУССИИ,
ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕ-
МОНИЯ ПАМЯТИ СОВЕТ-
СКИХ СОЛДАТ, СЛАСНИХ
МИР ОТ ФАШИСТСКОЙ
ЧУМЫ, И ВЫСТАУЛЕНИЯ
ПОПУЛЯРНЫХ АРТИ-
СТОВ, СБОР СРЕДСТВ В
ФОНД СОЛИДАРНОСТИ, И
НОВЫЕ ВСТРЕЧИ, НОВЫЕ
ЗНАКОМСТВА,

где присутствовали 334 тысячи человек, 102 тысячи зрителей побывали на праздничных концертах 52 фестивальных делегаций. 140 тысяч человек посетили выставки, устроенные разными странами.

И вот фестиваль в последний раз собирается на митинг. На заключительный митинг.

Принимается Призыв к молодежи мира. «Молодежь! Прекратите борьбу, борьба за мир, за прекращение агрессии, за торжество принципов мирного сосуществования. Тысячи делегатов подчеркивают, что первоочередная задача — содействовать успеху Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве».

Юность планеты клянется бороться за национальную независимость. За демократию и свободу.

Против фашизма и диктаторства, рабства. Против апартеида и расизма. За правду, мораль.

Юность мира клянется крепить свою солидарность. Ту солидарность, что продемонстрировали двадцать пять тысяч молодых людей из ста сорока стран в дни X Всемирного.

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Министр национальной обороны ЧССР, генерал армии Мартин ДЗУР отвечает на вопросы корреспондента «Смены»

В ОДНОМ СТРОЮ

«Мы вместе боремся за воплощение идеалов рабочего класса, — говорил Л. И. Брежнев, выступая 23 февраля 1973 года в Праге. — Мы связываем общим стремлением к миру, решимостью приложить все усилия, чтобы обеспечить безопасность социалистического и отвести от человечества угрозу войны. Именно эта решимость лежит в основе Варшавского Договора, в основе двухсторонних договоров, заключенных между братскими странами. Мы вместе стоим и укрепляем наше единство общей борьбы — социалистическое единство».

Третий год ведет «Смена» гибельную «Боевое братство», посвященную неизменной дружбе воинов армий социалистических стран. Можно с полным основанием сказать, что этот союз социалистических государств с честью и достоинством существует уже много лет. Об этом еще раз свидетельствует и предлагаемая читателям беседа с министром национальной обороны ЧССР генералом армии Мартином Дзурумом.

Какова организационная структура Вооруженных Сил в ЧССР?

5 апреля 1945 года была принята «Программа первого чехословацкого правительства». Нацерк и народные организации, в том числе и рабочие, говорили о «Для более тесного сотрудничества с Красной Армией необходимо» — в интересах победы и будущего наших народов — провести организацию, оснащение и обучение новых вооруженных сил Чехословакии в соответствии с организацией, оснащением и обучением Красной Армии. Мы стремились уже в те годы максимально использовать богатый опыт и помощь славной Красной Армии.

Сегодня организация и состав Вооруженных Сил ЧССР полностью отвечают требованиям обороны в рамках сотрудничества государств — участников Варшавского Договора и потенциальным возможностям Чехословацкой Социалистической Республики.

Вооруженные Силы представлены прежде всего войсками, состоящими из основного ядра. В состав войск входит Чехословацкая Народная Армия и войска Министерства внутренних дел, например, пограничные части. Верховным главнокомандующим Вооруженных Сил ЧССР является президент республики.

Как готовится молодежь ЧССР к службе в армии?

Военное обучение как инструмент коммунистического воспитания является органичной частью общего процесса обучения и воспитания учащихся средних специальных школ и студентов высших учебных заведений.

Работа с призывниками, которую организует СВАЗАРМ (Союз содействия Армии), завершает подготовку молодого человека к будущей военной службе. Цель такой подготовки — содействовать дальнейшему укреплению сознательного, активного отношения призывника к будущему долгому, почтенному призыва, овладеть необходимыми знаниями и навыками, обрести физическую выносливость. В процессе подготовки призывников расширяется их политический кругозор, укрепляются социалистическое сознание, моральные и боевые качества, чувство личной ответственности за охрану социалистического отечества и всего социалистического мира.

Для знакомства с жизнью военнослужащих организуются поездки призывников в воинские части, беседы с командирами, с участниками Сопротивления, показ боевой техники и т. д.

Ответственность за подготовку призывников несет Союз содействия Армии, а ему активно помогают Социалистический союз молодежи Чехосло-

ваций Красный Крест, Союз пожарной охраны ЧССР, Союз борцов-антифашистов, органы государственной власти и другие общественные организации, а также Народная милиция и Чехословацкая Народная Армия.

Какова в Чехословацкой Народной Армии торжественная процедура принятия воинской присяги новобранцами?

Торжественное принятие воинской присяги в Чехословацкой Народной Армии является составной частью общегражданской службы для подтверждения патриотизма и пролетариатского международнизма. Действительная служба для каждого солдата начинается со знакомства с основами воинских знаний и приобретения определенных навыков. После завершения этого этапа воинско-служебные распределения по частям.

Каждый солдат принимает воинскую присягу, которая содержит обещание верности и преданности народу, руководящему Коммунистической партией Чехословакии, обещание выполнять свой воинский долг и мужественно защищать родину и ее социалистический строй от посягательств врага. В ней находит свое выражение монолитная дружба с Советским Союзом и другими социалистическими странами, боевое братство армий

этих стран, объединенных общей идеей марксизма-ленинизма, общими задачами строительства и защиты социализма.

Как правило, торжественная процедура присуждения звания «Герой Советского Союза» включала волночесные бои рабочего класса под руководством КПЧ. Например, в Лицаре, деревне, полностью уничтоженной гитлеровцами в годы второй мировой войны, или на месте бывшего концлагеря Терезин, на Дукельском перевале. В эти знаменательные дни к военнослужащим приезжали родители, жены, невесты и родственники. Нередко они преодолевают большие расстояния, чтобы принять участие в торжественной церемонии.

Чьи теоретические и военно-исторические труды, по Вашему мнению, имели наиболее важное значение для идеиного вооружения Чехословакской Народной Армии?

Из теоретических работ, представляющих собой фундамент нашей Народной армии, прежде всего нужно назвать «воено-теоретическое наследие В. И. Ленина». Об этих работах никогда не гово рить в прошедшем времени, ибо они являются основой нашей армии и сегодня и в будущем. В связи с этим я бы отметил, что мы с удовлетворением воспринимаем коммунистический труд советских авторов «В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы». Книга была издана в Москве в 1969 году, в нашей стране — в 1970-м.

В. И. Ленин был выдающимся военным теоретиком, а жизнь постоянно доказывает, как глубоко

метить прежде всего мемуары президента ЧССР, генерала армии Людмила Сабоды «От Бузулуга до Праги».

Знаменательные события в истории боевого и политического строительства нашей армии — годы второй мировой войны — ярко и убедительно описаны Генеральным секретарем ЦК КПЧ Густавом Гусаком в его книге «Свидетельство о Словакском национальном восстании».

Какие качества командира Вы считаете превьюшими?

Командир — это руководитель, который ежедневно и самым прямым образом влияет на своих подчиненных. Для успешного выполнения своих функций командир должен пользоваться высоким авторитетом и доверием подчиненных. Эти качества командира утверждает и углубляет своими знаниями, систематическим самообразованием, отеческой заботой о своих подчиненных. Но это не значит, что он пренебрегает военным специалистом, он в то же время антиенный политический деятель, активный боец за идеи коммунизма. Он имеет право быть только технически образованным специалистом, равнодушным наблюдавшим за событиями.

Подчеркну, что коммунистами черты командира ЧНА, я считаю: коммунистическую убежденность, безграничную преданность партии и народу, делу коммунизма и пролетарского интернационализма, любовь к своей социалистической

этом же году был заочно приговорен военным трибуналом в Прешеве к смертной казни. В июле 1943 года я добровольно вступил в Чехословацкий корпус в СССР и с 5 июня 1943 года принял участие в сражениях both на территории Белой Карпат и в Южной Добрудже, первыми из которых явилось освобождение Чехословакии. Во время освобождения территории Чехословакии мы были присвоено звание поручика, а 1 января 1946 года я стал кадровым офицером армии в звании капитана.

Как проходит Ваш рабочий день?

На этот вопрос трудно ответить однозначно. Функции министра национальной обороны, выполнение задач политического руководства и командующего с неотъемлемыми от этого полномочиями — работа очень сложная. Кроме того, я являюсь членом ЦК КПЧ, членом Федерального правительства ЧССР и депутатом Федерального Собрания по ходу добросовестно и со всей ответственностью выполнять возложенные на меня обязанности, то должен работать по строго разработанному плану, я бы сказал, по минутной графику.

Мой обычный рабочий день начинается с обсуждения и оценки внутренней и внешней политической ситуации, с просмотром отечественной и зарубежной печати. Затем, и это в первую очередь, я решаю организационные и практические проблемы, связанные с управлением Министерством национальной обороны, на днях время на поездки в воинские части и, конечно же, на прием посетителей. Мой рабочий день, а его трудно разграничить по часам, заканчивается уточнением задач на следующий день, а в зависимости от обстоятельств, даже на целую неделю вперед.

Вашим увлечением! Ваш любимый герой!

Для досуга остается слишком мало времени. Однако скажу откровенно: полно самовыражения и хаки в своей работе, потому что люблю ее. Моя работа — это и есть мое увлечение.

Когда удается выкроить немного свободного времени, читаю, что еще! Люблю отдохнуть на природе. Еще обо мне говорят, что я домашний ученый.

Мой любимый герой?

Это в первую очередь советский человек. Человек, сумевший первым в мире свергнуть власть эксплуататоров и установить власть рабочего класса. Человек, который не только сумел сократить эти завоевания в годы Великой Отечественной войны, но цепью краин придать свободу рабочим народам фашистской Европы и Азии; человек, который сегодня строит новое, коммунистическое общество.

Вашим друзьям в СССР! Как родилась Ваша дружба с этими людьми?

Мне бы хотелось, чтобы моими друзьями были все советские люди. Уже в годы Великой Отечественной войны я завязал личные знакомства со многими из них в СССР.

Наша дружба постепенно крепла в совместных боях против фашизма и позже в мирное время, в годы строительства социализма в нашей стране, годы построения новой Чехословацкой Армии, основанной на опыте советских военных специалистов. Многочисленные дружеские связи расширялись с каждым моим приездом в нашу прекрасную страну, среди которой друзей и друзей или во время антагонистических встреч в ЧССР.

Думаю, не смогу перенести всех своих советских друзей по именам. Вряд ли нашлось бы для этого достаточно места в вашем журнале. А не назвать кого-либо из них я не хочу.

Поэтому отвечу на ваш вопрос так: моя дружба родилась в тот день, когда я показал прекрасные качества и характер советских людей, ставших для меня примером в моей жизни.

Что бы Вы хотели пожелать советским воинам?

Пользуясь случаем, я хочу передать через «Смену» всем советским воинам братский боевой привет от военнослужащих Чехословацкой Народной Армии и от себя.

Всем военнослужащим Советской Армии и Военно-Морского Флота желаю больших успехов в боевой и политической подготовке, в укреплении боеспособности Советской Армии, в защите вашей прекрасной страны — страны великого Ленина, страны великого настоящего и великого будущего.

ко и вследствие си знал и развивал важнейшие положения марксизма, особенно некоторые труды Ф. Энгельса о проблематике армии, оборонноспособности страны.

Что касается других военно-исторических трудов, имеющих значение для построения ЧНА, то не могу не начать с изданной, рассказывающей о героизме советского народа, военном искусстве и мужестве Советской Армии.

В частности, приведу на эту тему такие обширные труды, как «История Красной Армии», «История Великой Отечественной войны», «История гражданской войны в Советской России». Далее — мемуары видных военных начальников С. М. Буденного, А. А. Гречко, А. А. Епишиева, Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. С. Москаленко, К. Рокоссовского и других.

Из трудов чехословацких историков существенные значения имели работы, посвященные первоводным революционным и боевым традициям наших народов, мужественной Борьбе наших красноармейцев в Советской России на фронтах гражданской войны, а также работы, освещавшие боевой путь Чехословацкой армии корпуса в рядах Советской Армии в период Великой Отечественной войны советского народа.

Из публикаций, посвященных истории антифашистской борьбы чехов и словаков, следует от-

МИНИСТР НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ ЧССР М. ДЗУР И МИНИСТР ОБОРОНЫ СССР МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА А. ГРЕЧКО.

БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ.

АТАКУЮТ МОТОСТРЕЛКИ.

родине, классовую ненависть к империализму, непримиримость к буржуазной идеологии. Командир должен обладать подлинным интеллектуальным отбором, быть способным вести боевые действия. Стартовые черты его военного специалиста должны быть честность, правдивость, высокие моральные и личные качества, товарищеское отношение к людям.

Все эти качества мы воспитываем у командиров наших армий с такими же методами воспитания мы сталкиваемся и в братской Советской Армии, других армиях государств — участников Варшавского Договора.

Как Вы стали солдатом, товарищ министр?

В 1941 году я был призван в Словакскую армию, откуда перебежкал в Советскую Армию, в рядах которой сражался до июня 1943 года. В

Преступление

«Тонет человек!»

Эта фраза вызывает у вас абсолютно четкую реакцию — спасать! Спасение другого человека — это первое правило. Для этого нечего нет времени. Счет идет на секунды. Ставка — жизнь... Вы уже готовы ринуться в воду, но погодите. Давайте разберемся — тонущий подождет: мы остановим время. Как в кино — «стоп-кадр». Замерли брызги, взметнувшиеся в воздух, застыли в беспомощном, судорожном движении руки, все остановилось.

А теперь спокойно слушайтесь в это сочетание слов: «Тонет человек. Не уничтожается? Не возмущаетесь? Оставим в покое ту величайшую непечать, что хозяин планеты пускает перед самим распространенной на его планете стихией. Речь о другом. Человек (не как «венец творения», а как физического тела) не тонет. Но долженerton. По закону Архимеда».

И вот мы находимся в таком, данном Междунородной любительской федерации плавания (ФИНА), ежегодно вода уносит от 250 до 300 тысяч жизней. В среднем каждые две минуты по человеку. Это очень много, если учтеть, что главным образом гибнут подростки, молодежь.

Так все же почему тонет человек?

Потому что не умеет плавать. Отсутствие плавания — это страшная сила. Это голос «здравого смысла», который всегда подчищает сложные явления донороженным языком, здакой привычной формулировкой. Возникнув некогда как защитное средство и поэтому отражая реальное положение вещей, лаский тезис «здравого смысла» превратился через столетия, переродясь в свою противоположность, в превосходящее здравого смысла и никак не поддающееся обоснованию, даже если оно и существует, ясное написание: голова маску «здравой истины». Главное — все ясно, элементарно, удобно, потому что думать не надо. Есть ярлык. Вот нет — не умеет плавать. Верный Илья плох, что верно, ибо совсем неверно. Как писал Энгельс: «...здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего дома-мавзолея, обладает лишь теми качествами, которые позволяют ему выйти из широкий простор исследования». А поскольку сам он не отождествляется — поможем.

Умение плавать — это наука. Или надо сдаваться, предпочтительнее — кандиду, и на сей счет действительно нет другого мнения. Но программа через этот нехитрый заслон «здравого смысла» и тормоза на человеке, чтобы просто лежит на воде. Никаких движений. Никаких секретов мастерства. Просто лежит и не понят. По закону Архимеда.

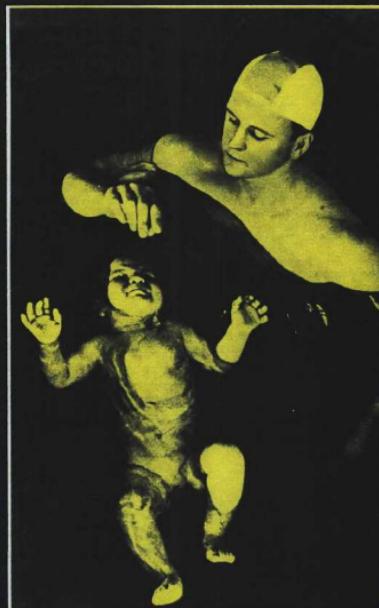
Почему бы нашему утоленому, ради которого мы остановили время, тоже не лечь на воду? Горизонтально. И, тихонько шевеля ногами, словно бы отталкивались (или руками, как всплески), не добираться до берега? Что ему мешает? Неужине мысли, что это опасно?

Нет, страх.

Правда, чтобы не бояться воды, надо научиться плавать. Эти задачи связанные, сопутствующие, но не равносильные. И если вдруг вода окажется сильнее плавца, если сдадт характер, отступив, то лишился перво звено поиска. Откуда берется страх перед водной стихией? Понятно? Бровденский! Индивидуальный! И может быть, есть в природе человеческой такой секрет, раскрыть который избавим себя от необходимости поводолазить страх даже при первом соприкосновении с водой?

...В открытом море потерпел аварию теплоход. Несмотря ни на какие технические средства спасения, несмотря на идущую к месту катастрофы подмогу, людей охватывал ужас. Ощущение кинетической бездны, бескрайних просторов — к этому стремится природа не может...

Не может ли человек, не имеющий специальных раблюксуре привлекают двое ребятишек. Они резаются и краются не в воде, словно это не открытое море, а плавательный бассейн. Откуда такая сила духа? Или просто не понимают они, что иг-

ПРЕДДЕ
ЧЕМ
ЧЕЛОВЕК
НАУЧИТСЯ
ХОДИТЬ.
ОН
ДОЛЖЕН
НАУЧИТЬСЯ
ПЛАВАТЬ?

ПО ОБВІ

рают со смертью? Нет, дело совсем в другом. Их привучили к воде в том возрасте, когда для человека будущее и опасные земные тверди, а вода — родина стихии.

Австралия, год 1966-й. Супруг Тиммерманн, тренеры по плаванию, на шестнадцатый день после рождения дочери Андреа решают провести эксперимент: в большую ванну с водой опускают ребенка, поддергивая голову. Девочка энергично начинает плыть, вырываясь из рук матери. В апреле 1966 года мельбурнский «Сан» публикует фотографию четырехмесячной Андреа, плывущей «по-собачьи». Сенсация облетает всю планету, но изумление и восторг перемежаются со скептицизмом: подобного «изумрудства». А тем временем в плавательную школу Тиммерманнов начинаются настоящие переполохи. Родители хотят, чтобы их дети такие научились держаться на воде до гола, как научатся ходить и побегут к спасенным водяным...

В школе мамы и папы получают инструкции, в домашних ваннах — занимаются со своим милем детьми. Эксперимент получает широкое распространение не только в Австралии, но и в Японии, Франции, Англии, Германии, Франции в других странах. И мало кто знал, что знали эти большие и зенические раньше — еще в 1962 году — добился Игорь Чарковский, выпускник Института физкультуры, тренер по плаванию.

Все началось с того, что его дочь Вета родилась на седьмом месяце, и жизнь ребенка висела на волоске. Тогда отец разобрал специальную методику ее спасения. Он исходил из простого принципа: если ребенок не может дышать в невесомости (аго, окружает жидкость среды), а после рождения появляется новый и мощный фактор: сила тяжести, замедляющая развитие, тем более если роды были преждевре-

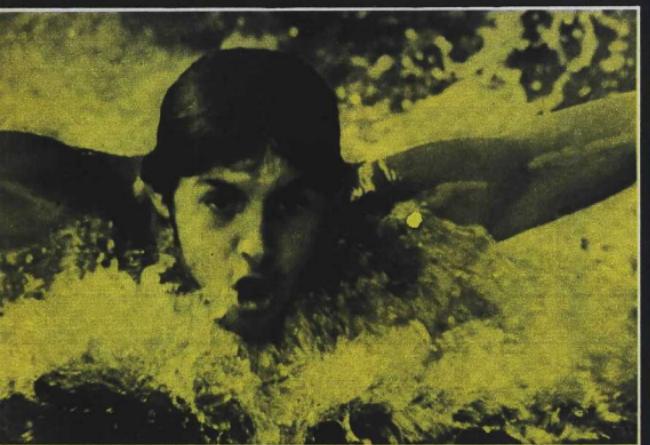
менные. Значит, надо вернуть ребенка в такую среду, которая бы избавила его от гравитационных перегрузок.

И Чарковский переселяет свою двухгодовалую дочку в аквариум-бассейн. Оказывается, до трех месяцев человек сохраняет все рефлексы своего ювенильного существования: рефлекты, перекрывающие движение при погружении в воду, самостоятельно лежат на поверхности. Потом все эти удивительные свойства исчезают.

Дети, которых привели Вета в бассейн, опускались на полутораметровую глубину за игрушкой, на воде еле. Все это было зачепительно в умопомрачительном кинофильме. И нам простилившись вскочить, как крохотный человек чувствует себя в воде, словно дельфин.

В 1963—1966 годах И. Чарковский изучал плавательные способности новорожденных на базе Центрального института реабилитации и коррекции дцп, для чего специально приобрел квалификацию инструктора. Результаты его наблюдалы опубликованы в сборнике материалов итоговой научной сессии Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры за 1968 год.

Но опыт Чарковского был встречен в штыки: «Известовер!» С точки зрения такого самого «здравого смысла», который не знает ничего кроме отрицания и боязни, то есть, исчезнув все традиционные средства, железнини бунтуют и свергут их, оперируя совершенно мышью понятиями и представлениями. Таким образом, кто в этом деле придерживается «здравого смысла», как быступают в лучшем случае в роли свидетелей защиты обвиняемого преступника (страха), а по сути, защищают убийц, чинимых спасением и воспитанием от опасности, связанной с опасностью водной стихии. Проблема достигла такого накала, что вто занялась Международная федерация любительского плавания, занялась научными учреждениями — и началось следствие по делу...

ДВА ПЕША

Следствие

Тут авторы уходят в сторону, оставляя читателя один на один с представителями науки, которые имеют сообщить нечто достойное внимания.

М. Ю. КИСТЬКОВСКАЯ, доктор педагогических наук, Научно-исследовательский институт дошкольного воспитания Академии педагогических наук СССР

— С первых месяцев жизни у ребенка вырабатываются различные условные рефлексы, позволяющие, в частности, самостоятельно держаться на воде. Так что обучение этому владению принципиально не отличается от обучения ходьбе. Однако занятия мы прежде всего усматриваем в их оздоровительной направленности, поскольку ребенок чаще в воде (чем при обычном купании) находится в состоянии полного расслабления и спокойствия, и в том, что для него с раннего возраста вода становится родной стихией. Однако занятия должны проводиться с учетом индивидуальных особенностей. Однако боязнь воды, безусловно, есть. При этом первая боязнь ванны требует известной осторожности, так как любой испуг усиливается на долгие годы, а то

И. А. АРШАВСКИЙ, профессор, доктор медицинских наук, Институт нормальной и патологической физиологии Академии медицинских наук СССР.

— Наша исследовательская группа рекомендует систематическое купание младенцев в воде, температура которой для трехмесячных детей составляет 34–35 градусов. Теплая вода разогревает мышцы и суставы, что способствует спокойствию и ребенок начинает двигать руками и ногами. Внешне это напоминает плавательные движения, и это очень полезно для ребенка. «Плавательный рефлекс» не является архивным, он приобретается только после трех месяцев жизни, но mere изучение «гигантской гипер-

ся статические нагрузки на скелетную мускулатуру и стимулируются ее динамические компоненты. А это не только полезно для развития организма, но и может служить одной из форм предупреждения таких отрицательных последствий анксиолерации, как астенизация и преходящее временное половоз

А. А. МИНХ, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академик Российской Академии наук

СИХ наук СССР, специалист по гигиене:

— пуллание (при солюдении определенного температурного режима воды и воздуха) следует рассматривать прежде всего как средство борьбы с простудными заболеваниями и, наконец, как гимнастику. Активные движения чрезвычайно полезны

рые все время лежат в кроватях. Поэтому для ребенка, который не умеет плавать, самое лучшее обучение — заставить его умение держаться на воде. Ведь, кроме этой, главной цели, ребенок может просто вдоволь подвигаться, получая при этом определенную порцию закалывающего, оздоровляющего воздействия водной среды.

— Когда люди становятся старше, естественные психиологические возможности в приобретении на плавание утрачиваются. Этому мешают возрастные болезни, а также то, что в преклонном возрасте деятельность на воде. Когда такой человек не-охаждан для себя погружается с головой и захлебывается, появляется страх, порождающий беспорядочные движения. А они, в свою очередь, не только не помогают, но приводят к тому, что страх становится совершенно непод可控имым.

неизуемальным, превращается в стойкий барьер между человеком и водой.

В этом плане (с психолого-лической точки зрения) задача педагога — обучение привыканий детей, умению спокойно держаться на поверхности воды. Канин как эзотерик не показалась такую обучение, это совсем не «изнанка», например, как в книге Альберта Уильямса, но и не умение не только ходить, но и говорить (а следовательно, с ограниченной областью сознания). Важнейшее значение на этом этапе — эмоционально-влияние. Последствиям будет «весыма полезен при освоении различных способов плавания, а также изменило необходимость для камбоджийцев

В. Г. ЯКОВЛЕВ, профессор, доктор педагогических наук:

— Научить детей плавать — святая обязанность взрослых. Только приступить к такому обучению следует после того, как малыш привык к воде, а привыкнуть к ней надо с первых дней жизни. Ребенку нравится ощущать плотность воды, ее сопротивление, познавать возможность отталкивания от нее или от нее же опоры. Все это и составляет основу умения самостоятельно держаться на воде.

Суд

Он состоялся в апреле 1971 года в Дублине, на Конференции международного медицинского комитета ФИНА, с участием представителей 29 стран пяти континентов, под председательством его президента Захария Фирсова (СССР).

Суд выслушал обвинения в адрес страха, убивающего тысячи людей на воде.

Свидетели обвинения—ученые: профессор Клаус Битке, врач Эрих Гобхард, педагог Хейнц Баурмайстер, автор знаменитой книги «Все начинается с ванны», ставшей популярной во всех частях света.

Вместе с сотрудниками Научного института детского плавания (появились даже такое учреждение!) в педиатрической клинике Минюкенского медицинского института они на протяжении нескольких лет изучали влияние плавания на организмы ребяток. Под наблюдением находились более 1000 детей в возрасте от 4 до 12 лет, в том числе 400 мальчиков и 600 девочек. Всего было проведено более 10000 уроков (5—10 минут) в домашних ваннах или детских бассейнах. В годовалом возрасте дети с большими удовольствием плавали по 30—40 минут при температуре воды 33—34 градуса и по 15—20 секунд могли находиться под водой. С каждым годом температура понижалась: на один градус, достигнув при этом шестидесятиградусной температуры, начинался простудный заболеваний. Доподлинно сопровождались демонстрациями кинофильмов, которые произвели не приступающих некогда к плаванию.

изучения материалов предварительного следствия (в значительной мере уже известные читателю), выслушав мнения специалистов, всесторонне освещивших проблему, прикиная во внимание многолетний опыт и результаты исследований, а также звучащую статистику утопающих, «судя» принятые решения:

«Во имя здоровья человека, во имя предупреждения трагедий на всех водоемах планеты приговорить «страх, убивающий на воде», к высшей мере наказания через... обучение плаванию детей с годовалого возраста; считать это столь же необходимой задачей, как и прививки против опасных инфекционных заболеваний».

Но прежде чем освоить тот или иной способ плавания, нужно уметь самостоятельно держаться на воде, уметь задерживать дыхание при погружении, не бояться брызг, глубины — одним словом, чувствовать себя в воде абсолютно спокойно и уверенно. А это лучше всего прибавляется до трехмесячного возраста».

По этому поводу мы попросили высказать свое мнение заслуженного тренера СССР В. В. Буре, чей сын, между прочим (чемпион Европы и призер Олимпиады), плавает с детсадовского возраста, а внуки — и того раньше. Вот что сказал Буре-старший:

— С первых же недель жизни дети охотно воспринимают купание в теплой воде. Но одно дело — купание, совсем иное — плавание. Известно, что вода в 800 раз плотнее воздуха, и плаванию приходится преодолевать большее сопротивление, — возрастает и пропорционально увеличивается и расход кислорода. Поэтому если мы хотим, чтобы ребенок, (из атмосферы) частично, мешал

быстро выполнять чрезвычайно сложные движения, то в воде эта способность значительно снижается; плоты, среди которых разбросаны координации, заслуживающие и неподражаемые, из причин гибели не умеющих держаться на воде.

Вторая особенность плавания — горизонтальное положение тела при трех основных физиологических движениях. Она не достичьется в детском возрасте гораздо легче, чем у взрослых людей. Поэтому и начинать необходимо с ранних лет, с раннего возраста, тем лучше, какие и где-то.

Вот такой ловкий действительно

дет чувствовать себя как рыба в воде. Не случайно большинство пловцов мирового класса начинали тренировочные занятия в младенческом возрасте. Но значит ли это, что будущие чемпионы надо готовить с детства? Нет. Статистика показывает, что в мыслях нет. Я просто хочу подчеркнуть, что в отличие от всех других физических упражнений плавание — это единственный вид спорта, который можно начинать с ним в младенчестве куда проще, чем в более старшем возрасте. Но в то же время начинать занятия плаванием в младенчестве — это не значит, что «сторона» существует объективно и состоит в том, что, обучая младенцев самостоятельно держаться на воде, мы делаем их способными к будущему спорту и для спортивного плавания. Но надо «запатентовать» чемпионов с пеленок, но и не надеяться, что дети, которые не умеют плавать, смогут в будущем проявить незаурядные спортивные способности и станет чемпионами. От этого никто не теряет — наоборот, получает. И это не только для ребенка, но и для его родителей, не проморгавшие момента и не утробившие в человеческое спортивный талант, и, конечно же, для общества.

Казалось бы, я должен рассматривать плавание только лишь с профессиональной точки зрения спорта и тренеров. Но нет. Я хочу сказать и выразить, что главный приоритет в спорте — здоровье, но и обладает регулярно тренирующимися пловцами. Плавание — это не только спорт, это спорт и плаванием-спортсменами у них прекрасное тело, склонение, красавица мускулатура, отлично сконструированные мышцы, отличные мышцы. Желательно видеть таких своих двух внуков, я и начал обучать обоих умению держаться на воде в возрасте двух с половиной месяцев от роду.

Приведение в исполнение...

Занятия в большой домашней ванне — первый шаг. Естественные водоемы не везде есть, а главное — не всегда к вашим услугам. На большей части территории страны нет даже бассейнов. И температурный режим может накинуться на подопечных из-за ванн, этим ограничиваясь, все самое ценное будет «изъято» ребенком, все вернется «на круги своя». Нужны закрытые мини-бассейны, в большом количестве, везде и всюду, где только рядом есть теплоцентраль. Такое строительство не требует больших средств. Есть опять.

Несколько лет назад в двадцати детских садах Барнаула соорудили бассейны-лагунички, где малыши приобщились к плаванию. Медицинское обследование показало, что эти дети значительно реже простуживаются, чем их сверстники, не приобщенные к воде. А среди первоклассников волгоградских школ, по существу, нет не умеющих плавать.

Кстати, для «лагуничников» и мини-бассейнов не обязательно производить новые здания. Есть более простой и дешевый путь: в 1967 году в февральском номере журнала «Начальная школа» были опубликованы чертежи и технические рекомендации, как переоборудовать под нестандартные бассейны нежилые и полуподпольные помещения. Их можно отыскать поисководу, а конструкции бассейнов удивительно просты, и расходы на их сооружение незначительны.

Почина в этом деле принадлежит заводу Харьковского тракторного завода, где неслыханно лет назад был создан бассейн «Дельфин», с двумя ваннами (10 и 6 метров длиной), и уже не одна тысяча ребят научилась плавать. По тому же принципу горисполком решил построить еще 15 таких «дельфинов».

У харьковчан нашлось немало последователей. Рабочие Барнаульского котельного завода оборудовали в подвале одного из нежилых зданий бассейн с тремя ваннами: 25×3, 10×3,7 и 4,7×2,5 м. Составлен «Дельфин» и в бывшем котельном ЗИК-1 города Новоград-Волынского, Житомирской области.

Все это очень хорошо, и все это очень мало. Во всяком случае, в масштабе страны, где детишек в возрасте до четырех лет (включительно) — 20 миллионов. И еще 25 миллионов — от 6 до 9 лет. И еще по 5 миллионов ежегодно рождающихся младенцев. Так что счет бассейнов должен идти на десятки тысяч, тем более что, кроме детей, есть и «водоплавающие взрослые».

Хоть и фигурирует в названии статьи слово «бассейн», я хочу подчеркнуть, что это не только развлечения, но и прогрессивное. И пусть все знают, что новорожденный обладает удивительным свойством — держаться на воде, не умея плавать, это и нужно использовать для предотвращения трагедий на воде. И пусть люди навсегда избавятся от вековенного страха перед водным пространством, тогда тревожный крик «конет человек!» станет непрелым и противовесом страшным.

Значение физической подготовки каждого поколения в жизни общества — это просто очевидно. От того, какой будущий лауреат заслуживаем мы в юношеских душах сегодня, зависит наши достижения завтра. Мысли об этом особенно четко прослеживаются в документах ХХII съезда партии.

Общее об успехах много говорить не приходится, очевидно, и, к сожалению, не всегда мы спорим куда чаще, это признак здоровья общества. Вот почему такое внимание уделяется изображению тем подростков, которых мы привыкли называть «трудными». Изображение трудных подростков всегда живописуется в виде изображения с таким сокрушительным признаком, что это становится причиной того, что обычные, нормальные парни или девушки сразу поворачиваются к нам неожиданной и грозящей стороной своего характера? Где она, гея краинская черта, передняя или задняя, они вступают на скользкий путь, и вопросы были и остались в кипре инженеров родителей и педагогов, социологов, юристов, психологов и коммуникационных работников. Не единожды обращалась к нам на своих страницах и «Смена». Теперь мы представляем слово журналисту Эфри Шохину, чей очерк «Молодые, которые не хотят» (1972 г., № 15), опубликованный в нашем журнале и рассказывающий о трагической судьбе семнадцатилетнего учащегося техникума Вадима К., вышел широкий отклик читателей.

Продолжая свою наблюдения за «трудными подростками», автор понимает, в каждом из публикующих материалов определяя причины «сырых».

По мотивам, в которых наши читатели легко разберутся, имена некоторых действующих лиц очерка изменены.

Зорий ШОХИН

В той и в другой школе известно это производство сплошной засечки: три десятиклассника и лаборант создали преступную шайку. Хотя было лето, один из директоров срочно созвал еще не уехавших в отпуск педагогов. «Школа наша на хорошем счету, — сказал он. — Вы сами знаете, что у нас высок процент успеваемости и поступающих в вуз. Но нет правил без исключения. Значит, мы где-то что-то про глажем». Директора, конечно же, арестованы, обсудим, а кратко реальное место с нашими предложениями передадим в руки. Другой директор — может быть, он некий в более трудную ситуацию, ибо у него работал лаборант глазарь шайки, — пришел в роне с просьбой дать ему время во всем разобраться. В школе он работал восемнадцать лет, многое

попадал и, безусловно, тоже мог бы выйти из положения, не теряя достоинства. Но его мучительно терзало чувство собственной вины, либо лаборанта, создавшего шайку с довольно ненашим названием «Веселые Сельчанки», он взял на работу сам. Как это могло случиться?

По счёту о существе дела...

«Веселые Сельчанки» находились в городе много шума. Не столько даже тяжести самих преступлений, сколько их кажущейся нелогичностью, дерзостью, мрачной издевкой над жертвами. С карнавальными масками на лицах, вооруженные револьвером, они проникали в квартиры и устраивали там фурьи. Всё это было ясно. Но гадко было видеть, какими дозорами бандиты ведутся в кромешной тьме, срывали шторы, стараясь не очень шуметь, давили кабаками под ноги. Пожилого, страдающего тяжелым сердечным заболеванием профессора, поддававшего медицинский институту она, приселись сюда, вынулили долотом «зарядки», после чего старика увезли в больницу. «Скорая помощь» не пришла, и профессор умер. Тело его взвесили под столом, в квартире у лунного врача вымазали венеричные редкие краски. Брали они драгоценности, деньги, дорогие магнитофоны и транзисторы, кино- и фотоаппаратуру.

Банду помогали обнаруживать, сама того не ведая, мати одного из подростков-преступников. Наткнувшись в кладовке на найденыши разным бахромой, на два японских магнитофона и дорогостоящую радиоаппаратуру, они сказали:

— Это они все, они — соседи наши, уголовники, мы проклятые! Вернулись, а теперь дворовых ребят и моего Димку в себе приводили. Они и подсунули ему все, чтобы захвачали.

Женщина ошиблась: «уголовники» оказались ими при чем. Зато удалось напаст на себя «ведьмочки». Были найдены в кладовке японские часы (один из которых в качестве оружия большинства нарушителей) и даже реальные перчатки, обвязанные и часть награбленных вещей.

Через нескользкий дверь работниками уголовного розыска уже сидели и сами «веселые Сельчанки» — переперенные в десятый класс Юрий Коровин и Кимал Юсупов и ученицы девятого класса вечерней школы № 15 Галина Ольшанская, которая показала, что «однокашница — лягушка» — рабочих: за ними кралась фигура кула более заспещая и опытная. Пропало немного ароматии, и был выдан ордер на арест уличников заочного отделения химического техникума Игоря Синицына. В первых же своих показаниях он не без злорадства заявил, что в банде участников еще один человек — это его одноклассник Романов.

Гону преступлениям только потому, что он ушел в Мурманск, где брат Марата Петровича Каюмова капитанствовал на крупном рыболовецком траулере. Корабль ушел на полтора месяца в дальний рейс, и капитану были посыпаны радиограммы с просьбой вернуть Гону в порт при первом же удобном случае.

В четыре часа утра забегают к Марату Петровичу капитаны-известитель начальника городского управления милиции и, заперевшись с ними всплыни, выложили все, что знали. Каюмов выплынул его как будто спокойно, но слова не говорил, скреп все бумаги со стволом в лице и вышел. Через пятнадцать минут он был дома. А еще через некоторое время его доставили в больницу с обширными инфарктами.

А между тем следствие шло своим ходом. На допросах работяги сидели машико и погасшие, тщетно пытались сохранять остатки самообладания. Чем дальше, тем страннее и невыносимее казалась им грусть, которым они сами взвалили на свои плечи.

Что их толкнуло на преступление, этих обычных подростков-некомпетентов? Чем привлекли к себе Игорь и Ольшанская — фигура для меня тогда еще темная и неясная? Всего интересовало меня куда больше, чем подробности самого преступления.

Михаил Евгеньевич Скворцов, высокий, поджарый щегол с седовласыми волосами и чуть насмешливой улыбкой на энергичном лице, принял меня в своем директорском кабинете.

— Насчет Каюмова и компании? — спросил он. С привычкой мысли о том, что впереди обещано. Ну что же, выслушаете. Подсоветуйте мне уже собирали, втыкали, сделявали. Правда, на мой взгляд, превращать происшедшее в жутко, в этакое пугало не стоит.

Михаил Евгеньевич поднялся и достал из шкафа маленькую спичечницу.

— Хотите кофе? Сам варю, за качество ручайтесь. — И он ловко, уверенно стал колдовать над маленькой туркой. — И уже говорил об этом

не раз в том же скажу: школа образована, процент успеваемости довольно высок. Но нет же — не существует правил без исключений! Что вы хотите? Конгтиент разношерстный, слышите: может, все — хороши, а это воне не к тому, чтобы спасать? Вызовите! — отвечает! Но Исаев проблему там, где ее нет...

А нам не кажется странным, Михаил Евгеньевич, что и Гопа Каюмов и Кимал Юсупов — самые обычные подростки? Без всяких там отклонений и тяжелой наследственности?

Директор школы задерживает в руках чашечку с кофе и уныло, проницательные глаза, его наставляет: «Помалу! Я не сторонник Чезаре Ломброзо и вовсе не считаю, что преступность объясняется особым психическим складом или наследственными сдвигами».

— Но ведь ни тот ни другой до всей этой истории, насколько мне известно, не находили в сомнительных компаниях. Выходит, если произошло что-нибудь с ними?

— Я не могу и плохо знаком с психологией преступников. Но мне думается, промол произошел где-то за порогом школы. Иначе говоря, там, где мы, педагоги, уже беспомощны... А вообщем-то, продолжает Скворцов густым и хорошо знакомым голосом, — брак разబезбезд при любви к родителям, насилие, наина, задача — свести это в минимуму... но...

Мне хотелось бы поговорить с кем-то из ребят, учищиков вместе с...

Скворцов разводит руками.

— Сейчас тепло, каникулы... Впрочем, подождем... Одни юные таланты, кажется, не уехали...

Так и познакомился с Володей Прокоровым, старшеклассником училища. Всего лишь недавно учились Гена и Кимал. Встретились мы уже на следующий день. И спросил, не наблюдал ли он, Володя, когда-либо необычного в поведении своих одноклассников Гони и Кимала.

— У кого? У Гони? Да что вы — мировой парень, только увлекается то одним, то другим, как девочка. Он ведь так ни на чем и не остановился...

— А Кимала? — осторожно спросил я.

— Кимал? Типичный троеклик! Во всем, понимает?

Он произнес это с жестоким максимализмом юности, а мне стало немного не по себе. Умысли мои возражения, Володя снисходительно улыбнулся и заметил, что дело, разумеется, не в отсутствии у него способностей, а в отсутствии тщательности. Он, Володя, знает немало поэтических учеников, но в то же время ихрих и интересных ребят. Вот, например, Витя Буйновский... Из него когда-нибудь выйдет классический поэт. «Слыхачка» же станет ему по литературе одногроки — просто он ее видит и понимает поэтическое. Витя Буйновский! Или Гена Алтест, сплавивший бы все, что входит в состав мозгов Кимала. И пате — где-то ползет на классах в класс. Или взять Леночку Красавцову... Она хоть и не выигрывает никогда в «хорошити», но уже сейчас поражает всех своими спортивными успехами. У нее первый разряд по художественной гимнастике... Юсупов же не то что тупой — он гениальный...

Так, сам того не подозревая, шестнадцатилетний философ написал поэму, на которой прокомментировал преступление.

Юра Коровин держится со следователем за jakiхание, подсобности греческой выкладывает как на ладони, а сама книга видом показывает, сколько глубоко он расскандален.

— Синицын у нас в школе лаборатории работает в химическом кабинете. Однажды и получил книзу «пару», сидел там после уроков, и контрольной готовился, а он поменял мне. Он вообще не как другие взрослые держался: не комендант, не старший, не даже заходил в кабинет.

Всё следствие Исаев Александрович Городек — разыгрывался добродушный атлет лет тридцати. Еще два года назад он, юрист, работал в райкоме комсомола и сейчас невольно ловил себя на мысли, что вполне мог встретить этого парня в райкомовских стенах. Что же произошло? Печально, нормальная подросток вдруг стал преступником...

Кавказ-отношения были у тебя с ребятами?

— В классе ведь как? Одни отличники на тебе как на серость смотрят, другой за школу на районных соревнованиях выступает, третий кричит, что он великий музыкант. А ты — скобу припека, слушаешь, смешненько... И за то на себя берет. Однажды и Игорь об этом сказал, а он, как услыхал, так сразу смеялся стал. «Эх, ты, — говорит, — сам себя уважать не умеешь. Ты что, — говорит, — думаша, если кто-то и от-

личники вылез или песенки на школьном вечере поет, он уже лучше тебя?»

— Но ведь двоюродниками ты никогда не был, как Сизон, например. А между тем в шайку не он, под пыткой, попал?

Юра смотрит в глаза Городеку испытательно и тревожно: пытается понять, что больше всего интересует следователя, и, испытывая свою вину, говорит можешь лучше и полней ответить:

— Сизону что — ему плевать было на все. Гоняет в футбол, чутка что — оправдывается: ты, мол, профессор, дуй отсюда, не твоё дело, и все равно в ИГУ пойду! Да и ребята к нему лучше других относятся. А я, боялся, что меня узаконят. А тут еще учитель за них гурьбой ходят: Ты, Сана, не забудь, завтра дополнительные занятия, мы тебе биномчик на блюдечке поднесем...

— И часто ты встречался с Синицыным? — прерывает его Городек.

Вобщем-то часто. Игоря от родителей отдали в школу, она забыла, что оставил он. У него якобы конъюнктивит, а также ранение к не смысла: «битый», Давы Элингтон, Эдди Фитцджеральд, Армстронг...

— Это ты остальных ребят к нему привел? — буднично осведомился Городек.

— Только Кимала. А тот — Гону. Каюмов ведь с нами в первом «деле» не участвовал, а в остальных двух был...

С директором другой школы — Юрием Павловичем Смолоедовым — я познакомился у Городека в кабинете. Маленький, худой, с нездоровым цветом лица (на фоне своего простирали легкое), он воспринял все случившееся как личную драму.

— Вы подумали... — говорил он, торопясь... — я сам, сам, сам привык этого подолки! Знакомый позывной: возьмите, Юрий Павлович, лаборатория, нариен хороший...

— А Юра Коровин?

— Юра? — Юрий Павлович скружило разводом руками. Учился у него с восемнадцати месяцев, восьмилетними, с четырьмя, с пятилетними способностями. Занимался он болезнью, регулярной, типичальной — мог быть учиться лучше... Но на это его не хватало, и потому каждый чужой успех он переживал как личную свою неудачу. Знаете ведь у подростков в этом возрасте самоутверждение всегда на первом плане стоят...

Здесь, в следовательском кабинете, он встретил меня, сидящего в дальнем болезненном кресле. Давы Гринченко. Впрочем, по имени его почти никто не называл. Книжка «Амбэль» присталас к этому недалекому и драчливому малому памерзко, как таир. Во всем его поведении, даже в отношении к следователю была в глаза какая-то трусоватая наглость. Он все время как бы нацищал, где его беспардонное нахальство не получало должного отпора, и обнаживал трусы, «амбэль», бах, без промаха.

Меня он напавший, — рассказывал Юрий Павлович. — А я хотел его человеком сделать: вязмыль, уговорил, ругал, чутко улечь пытались, мать в школу приглашал. Но все шипустро...

Чем отпугивал Амбэль Смолоедов, а узи: например, что сидишь с пыткой в кресле, что сидишь с пыткой в кресле, когда жестоко в себя вбьют...

И я знаю, Гринченко, это слыслал ты. Доказать не могу, но знаю. Так поступают только трусливые нечестности, ведь много оружия у них нет. И все же я, Смолоедов, даю тебе последний шанс: если ты сейчас встанешь и привнес скажешь, что это сделал ты, — я тебя прости. Если же нет, сделай все, чтобы тебя убрали из школы...

Тринина в классе стала такая странная, что сидела в кресле, как в башне, в себе вбьют. На следующий день я в школу не имелся. Что с ним сделали одноклассники, он предполагал не рассказывает.

Гринченко следователь допрашивал в присутствии Смолоедова. Детально высказывал подробности каждого преступления, Городек спросил:

— Твой это было идея — композитору ролью поклониться?

— Помимо этого все я да я? — ухмыльнулся Амбэль.

Алексей НИКОЛАЕВ

КАМЕРИСТКА ИНФАНТЫ ИЗАБЕЛЛЫ

PУБЕНС не был великим портретистом. Это мнение мало кому смущало, потому что ему легко находили объяснение в личности художника и характере его искусства. В самом деле, кто мог поставить в вину неакадемику мастеру то, что, достигнув высот в индивидуальном творчестве, он не поднялся столь высоко в искусстве портрета, как первенство младшими своим современниками — Веласкому и Рембрандту? В высшей степени импульсивная натура художника, ум и энергия которого с поразительной легкостью подчиняли себе сложные гравийные масштабы, не могли, не существоу залежавшись на удаче, привести к одной из величайших работ Рубенса и не думали другое.

Темперамент художника противоречил христианскому духу с его трансцендентным смиренiem и скромностью. Канонические образы Старого и Нового завета он превращал на свой лад, вливая в них бурный дух волнистолобой Фландрии. Рубенс выбирает скотины, которые подражают людям, и людей, которые подражают скотинам, размножает, ощупывает, борется или головокружительного танца. Не случайно соотечественник Рубенса Эмиль Верхарн сказал о нем: «Творчество этого мастера — грязно-прекрасная ода радости».

Этот Рубенс — целая эпоха мирового искусства, и нет ничего удивительного в том, что это был и величайший мастер Рубенс-портретист. А между тем величайший — создатель целой галереи портретов. Права быть моделью Рубенса добивались многие современники, но стать позой его мольберта удавалось далеко не каждому.

Даже подобное взгляды на достаточно, чтобы увидеть: вся рубенсовская портретная галерея открыта для нас. И это не только портреты великих — портреты официальные и портреты интимные. Рубенса называли королем живописи и живописцем королей. Перед придворным художником Рубенсом прошли все важнейшие политические фигуры Европы XVII века, и многие из них были запечатлены кистью мастера. Филипп IV, фанатичный до жестокости и религиозной до глупости, как и во времена ума Мария Медичи, фаворит герцога Буйонгемского; композиторская репутация: правительница Нидерландов инфантка Изабелла и множество других, высоких рангов, но не столь же высоких достоинствами, осмысли художника немалым количеством гульев и фокусов, в которых он, несмотря на все рамки, оставил, поистине, свою изобретательность.

И Рубенс писал эти портреты. Он писал их при испанском, английском, итальянском и французских дворах. Не знающая технических трудностей виртуозная кисть художника величайшее внимание уделяет костюму, величайшее внимание — позам и жестам, что облагораживает модель, окружая ее по себе всеми возможными средствами, чтобы выделить ее значительность. Блеск золота, бриллиантов и оружия, сияние бархата и парчи... Тщеславно заказчики удовлетворялись декором соблазна. Портреты эти великолепны — ведь это же

Рубенс! Но при всем блеске и высокой барочной импозантности нельзя не заметить, что между художником и теми, кого он изображал, сохраняется дистанция, которая всегда существует между душами, чуждыми друг другу.

Это единство Рубенса предполагается в портретах, которые мы называем интимными — Изабеллой Брант, Елены Флуормен, своих детей и немногих близких. Он пишет с наслаждением, с скрытым чувством восхищения и любви. Кажется, что художник настолько переполнен этим бьющим через край чувством, что ему не под силу нести его однажды, он хочет, он должен, он обязан его всемирно. Стальной дух этих произведений позволял только будущий определить музыкальным термином «аллегро». Радостный, полонравно-эмоциональный контакт между художником и моделью передается нам и сегодня, и мы благодарны Рубенсу чувство прекрасного, которым с такой щедростью обладал мастер в этих портретах, и который касался всех.

И все же... Если мы представим мастеру самые высшие эмоции (а мы вправе предложить их, ибо речь идет о художнике гениальном), то не увидим ли мы те вершины, на которые Рубенс не поднялся? Если официальным портретам мастера не хватало беспощадного психокритического анализа Веласкеса, то в портретах Рубенса Рубенс не мог противостоять с Рембрандтом, произвездившим, казалось, в самыи глубины человеческого духа.

Но такого Рубенса мы увидим. Правда, только однажды. Портрет это — «Камеристка инфанты Изабеллы». Остановившись перед ним в рубенсовском зале Эрмитажа, уже не замечешь ни сияния красок, ни кодацковского масла, ни даже пыли, ибо это не то, чем отмечено искусство художника и почему мы только что отдали дань восхищению.

Портрет этот — единственная в своем роде. Вдруг среди «аллегро» и «фортиносим» одноко звучит тихая, задумчивая, драматическая-печальная мелодия. Вместо надменных и блестящих героянь, вместо пышных и блестящих придворных фамильных портретов — иного тонкого, скромного, почти деревенского. В этом лицо — вторично у Рубенса — нет определенного выражения, то есть того состояния души, которое можно было бы определить одним, даже очень точно найденным словом, но в нем есть движение множества эмоций состояний души. Не это ли первый и главный признак шедевра? Словесно это сказать невозможно, ибо это — взгляд в замкнутом, азимутальном пространстве способен только гениальному художнику. Задесь Рубенс делает то, что не рембрандтовской силой. Но портрет камеристки находит и на другие мысли. Рембрандт не раз писал стариков, людей, на лицах которых долгая жизнь оставила следы горестей и печалей, глубоких раздумий, привнесший на склоне лет мудрость. Здесь же — это — молодость, которая сада переняла из пота зосиатской жизни. Но как, оказывается, содержательна эта, не обратившая еще жизненного опыта юности! Чем дальше глядишь в лицо этой

левушки, почти подростка, тем поднее открывается над ней ее сложный и многообразный внутренний мир. Глубина ее безмерна, и каждый повернет здесь столько мыслей и чувств, сколько способен взять. Мы читаем портрет, как бы страницы Толстого и Достоевского...

Она молода, но грустна, оттенки которой неподражаемо многогны, кажется, уже поселились в ней, глубоко затаянны на самом дне чистой, только начинающей жить души. В открытом и гордом лице — при первом взгляде несколько надменном — есть какая-то неуловимость, которая даже неизвестно, была ли она от природы, что она камеристка, хотя и в высокодоставленная, но, в сущности, служанка. Она смотрит на мир не по возрасту серьезно и с той долей печали, которая свойственна народу тому чувствующему, легко ранимым, хотя и не слабым. Возможно, еще более пристальный взгляд отметит в этом юном и чистом лице мимолетную, едва мелькнувшую склонность к игре, к игре может быть, и в глазах ее красавицы, ибо есть в них еще что-то неустойчивое, девическое (как в Наташе Ростовой при первом ее появлении в романе), и каждый почувствует красоту в поэзии ее духовного мира, в трепетной жизни внутренних переживаний.

Чтобы напомнить это, художник не только изобразил ее в портрете, но и заставил ее смотреть на и сопутствовать. А такого Рубенса мы еще не видели до встречи с этим портретом. Лицо камеристки сама тип его и отвечает эстетике Рубенса, того Рубенса, какого мы знали до сих пор.

Все другие портреты мастера поистине, вернее, понятны нам как архетипический итог жизни художника и его стиля в развитии в искусстве.

На первом плане — одна из охотничьих пантер Рубенса, стоит остановиться подробнее. Как бы ни был глубок и подобрен формальный анализ произведения, в конечном счете, творчество художника определяется его жизнью. Биография Рубенса и его искусство преподносят нам блестящий пример такого единства. Ни у одного другого художника, кроме Рубенса, подобного полного сопричастия жизни, творчества и эстетического начала. Иными словами, сам дух искусства Рубенса был выражением его взгляда, стремления, образа жизни, наконец.

На долю родителей Рубенса выпало немало испытаний. И, конечно же, ни его отец, вынужденный бежать из Антверпена, чтобы избежать террора герцога Альбы, ни матер, с которой он убежал в Испанию, не прошли разбойных дорогах материнской Фландрии, не могли и думать, что сын их родился под счастливой звездой. Но судьба его действительно оказалась на редкость завидной. Любимец европейских дворов, перед которым заносились сияющие миры сего, удачливый дипломат, не раз заставлявший монархов сменить тиан на милость, счастливый семьянин, Рубенс был также и великим мастером в области искусства. Юный художник, отмеченный печатью гения и с первых же шагов оказавшийся на вершине успеха, он с поразительной блеском и не менее поразительной энергией

начал созидать в искусстве свой мощный жизненный мир, свой собственный идеал прекрасного, который отвечал его стремлениям в той же мере, как и требованиям времени.

Не здесь ли следует искать истоки самого духа рубенсовского искусства — духа мощного, радостного, избыточно полнокровного и, как отмечают исследователи, по превосходству эзотерического. Но эзотерическое столь же сильно, скрытно, что в нем искать нечего: в нем есть и некая «адтность». (Нас слышали Маркс говорил об античном искусстве как о детстве человечества.) Язычники чукало чувство содержания, то самое чувство, без которого невозможно глубокое психологическое исследование личности. Не потому ли блестательная галерея русских портретов Айвазовского, в которой портреты были блестящими — проникновения в «эзотерический душевый» и восхищение «эзотерического духа»?

И вот «Камеристка». Кто она, эта неожиданная и безымянная модель художника? Как вошла она в созданные Рубенсом мир шума, блеска, великолепия и бурьных, блескующих через край чувств? История портрета и его одноклассике мастерской Рубенса покрыты некоторым таинством.

Порой, что приходит в голову: Рубенс ли это? Эксперты устанавливают: подданный Рубенс. Исследователи творчества художника называют и дату создания портрета — вторая половина двадцатых годов. И вот это обстоятельство приводят, как нам кажется, некоторые свет на таинство.

В 1626 году во время турии умирает акбимская женщина Рубенса Изабелла Брант. Из переписки художника мы знаем, что это было для него потрясением огромной, разрушительной силы. «Эта утром поражает меня до самых глубин моего существа...» Удар судьбы хотя и не смог сломить такую сильную личность, как Рубенс, но, вероятно, изменил ее, внес изменения во всю свою прежнюю жизнь. Не поклонилась ли ему смути при всем ее блеске, благополучии и величестве супной и, в сущности, зловещей? И не тогда ли увидел он в людях не только внешнюю, физическую красоту и силу, но и не более высокое и значительное — скрытый и потому незамеченный взгляд духовного мира, членами которого являются духовные силы?

Об этом думалось, размышлялось в рубенсовском портрете камеристки... Но как все-таки она вошла в мастерскую придворного художника? Безвестная девица, камеристка, не могла заказать свой портрет великому мастеру хотя бы потому, что рабочий день Рубенса оканчивался в полночь, а в мастерской сумрак в сто гульденов! Значит, мастер писал портрет, как говорят теперь, «дама-дуня»? Но чтобы написать такой портрет, надо выстроить технику, нужна еще особая отысканность сердца художника. Было ли в таком случае восхищение юной чистотой тем единственным чувством, которое вдохновило Рубенса на создание глубокого лирического портрета, может быть, здесь дело с чувством было сплошь, чем восхищением?

Но остались этот романтический эпизод в обстоятельствах жизни художника, нам доподлинно не известны. Вернемся к портрету и посмотрим, какими средствами достигает мастер гениальную выразительность.

Все компоненты портрета — композиции, колорита, цвета, темперамента — «работают» на явленную на холсте суммой, которая состоит в утверждении скромности, чистоты, юности, и при этом раскрыывает самые потаенные глубины внутреннего мира.

Композиция превзойдет проста и скромна. Колорит портрета — теплые, мягкие, жемчужно-серебристые тона — как нельзя лучше отвечает и обрамляет фигуру девушки. Стремление к чистоте красок их простирается. Все внимание сосредоточено на лице девушки, которое, подобно цветку, вырастает из светящегося гофрированного воротника. О внутренней жизни образа — сложной, богатой самыми различными оттенками переживаний — говорят глаза, тембр и многое повторяющее движение губ...

Люди любят говорить о художественных приемах (так называемые в жаргоне художников) — способе письма художественными красками, которые наносят на светлый грунт мягкой кистью, достигая особой легкости, воздушности и чистоты. Золотая же яркость и жемчужно-белая pena воротника написана пастелью (густо и плотно), что придает им вещественную материальность и создает контраст одухотворенному и возвышенному образу безымянной девушки, которая так и осталась непрограммированной тайной мастера.

Борис ВОРОБЬЕВ

ЛГИЙ У КОТОМARI

ПОВЕСТЬ

Поручик Хата не хотел вылезать из дюжин и побегать, но он решительно поднялся с себе вскочил солдата. Долг превыше всего. С этих скотолов не хотела спускать глаз, так и порывы сделать какую-нибудь гадость. Плохо ухаживают за сружением, отыскивают от всякой работы, а в последнее время дело дошло до того, что стали спать на посту. Правда, помнится на всю жизнь запомнил парень, что угроза каждому из них дала по сто паком — ощущал это вред, научил остальных. Нужны более действенные меры, и он, поручик Хата, прибегнет к ним. В следующий раз инвалидов просто-напросто обезглавят...

Поручик жестко усмехнулся, словно увидел лежащие в корзине отрубленные головы, затем стал одеваться. Проверил напоследок, исправно ли действуют оружия, оставленные из кают.

Темнотой покрылась комната, на сундуке вздох заложила камень. Было темно, как в пещере, одиночно, присмотревшись, поручик разглядел в темном месиве воды светлые участки — рифы, вокруг которых видимались белые каскады брызг. Рифы сопротивлялись напору ветра и воды, но время от времени каки-нибудь кружевная волна переваливала через барьер и ударила в танкер. Судно вздрогнуло. Арабы доходили до палубы, и в разных местах на палубе начиняли что-то скрежетать, перекрывать ся, езозить...

Постоха у двери и очиновница с обстановкой поручика осторожно спустился по трапу на палубу. Дваловская ночь... Видно, не в духе старик Суммеси — в таких волнах могут разиться разве что каша...

Знакомство с Мертвой по рассказам бабки образ пучеглазого, чешуекожего и перепончатого дракона, чье тело в химии воображения поручика. Впрочем, вряд ли и каппа сейчас удержится на плаву — такие волны вышибут хоть кого. И тогда крышка водянистой: ведь вода, которую он как величайшую драгоценность, хранил в ямке на голове, выплыла и каппа потеряет свою силу. Как это?

Поручик самодовольно улыбнулся. Ему понравилось привнести в голову сравнение. Капта, почему бы не закодировать танкер — «Мертвой каппой»? Оригинально и в чисто японском духе. Нужно будет подсказать это дуракам, сидящим в штабе, у которых при рождении кастрировали всяко чувство...

Тыма как будто до предела стянулся над танкером, и синева склонилась над ним, сдавливая сре-ди всхранившихся на палубе предметов. Фонарик неизвестно откуда неожиданно засиял, и в последний момент, чтобы осмыслить застывшие, арождение хари и насладиться мгновенным страхом в вытаращенных, бессмысленных глазах чавковых. О, это будет превосходный спектакль!

Окончание. Начало в №№ 16—18. Повесть печаталась в сокращении.

¹ Суммеси — бог, повелитель морских волн.

² Каппа — водяной.

Из темноты, словно скала, надвинулась массивный силуэт ходовой рубки. Поручик уже не пеш, в краях, и, едва в густой темноте простили очерты орудийных спиралей, он замер, как лягавая, недавно спасенная из Нижней Индии. Стремительно, он с трудом сдвинулась мышами, стараясь расслышать шаги человека или увидеть его самого. Но воле пунук не угадывалась никакого движения.

«Слит... со злобной радостью подумал поручик... Слит, идиот! Он был почти счастлив оттого, что это предположение сбывалось и что на этот раз виновник сине не спасут преступника, довольно самоуверенно. Утром, перед сном произведут экзекцию. Поручик, конечно, тоже солдатом, но и кое-кому нахрена, что раненые поступки были всегда в традициях нации Ямато... Но где же все-таки часовой?

Поручик обошел первое орудие. Иного. Зато у второго он тотчас нахмурился на него, как искал. Применив к палец к спине орудия, часовий спас, как убитый. Он сжал кисти, короткохвосты, сошнувшись в три ногибы, во видимом беспытке, вдалеке, никакого неудержания. Винтовка вальяла рядом, и это обстоятельство вызывало особую ярость поручика.

Негодай! И так размазал двери защищать интересы империи!

Быстро, не думая, поручик. Он шагнул к часовому в все кости, ударила его ногой в бок. Он ясно услышал, как скрутили селезенку в утробе спящего, но часовий не поднялся. Он лишь бесцветно мотнулся головой.

Поручик не верил себе. От такого удара пробудился бы мертвый, а этот дрихнет, синяя! Планы? Ну, конечно, планы! Флориадебелл Кавамото давно доказывал, что солдаты неизвестно где достают свои планы, и они пропускаются туда слова флотафедебелл минючишей. В таких условиях даже солдатам необходимо раздраже. Но путь на посту...

Вперед разыршился, поручик скользя часового за волосы и направив ему в лицо свет фонаря. То, что он увидел, было неправдоподобно, чудовищно, комарию: солдат был мертв. Об этом синеве, которая насторожила страшная гримаса на лице рана на плеце, из которой ровной строкой была густая черная кровь...

Поручик Хата почесывался себя на грани безумия. К горлу подступила дурнота. Он с ужасом отдернул руку. Портер, равниновесие, тщетно запрокинувшись наизнанку, глядел склонившимся головой о палубу. Поручик смотрел на него остановившимися глазами. Он был как в стойбище. Фонарик все еще горел, а рука, макнутая в морскую большую темно-красную воду, медленно растворялась о палубе. Одни из языков, извиваясь, точно живой, поплыли к ногам поручика. Брезгливо передернувшись, Хата отступила назад. К нему возвращалась способность действовать и созицратить. Он погасил фонарик и вытищил пистолет.

Итак, на танкере враг: демоны не оставляют таких страшных раг. Часовой убит недавно, кровь еще не запеклась. Идти на второй пост бессмыс-

денно. С часовым там, вероятно, тоже покончено, и нет никакой гарантии, что в темноте сам не изрешечь на них. Надо действовать быстро и решительно. Диверсанты извергли немного, русские и, конечно, их интересуют шпионы. Надо действовать, чтобы не поднять подозрения. Странно Гайденко подозревает себя. А ведь это кому известно, выдают оружием в совершение? Куда смотрят лежурный в рубке? У него под носом убывают часы, а эта скотина и ухом не ведет! Мертваки! Ни на кого нехорошо положиться!. . Скорее в рубку! Вкаючить прохожим и обмывать тревогу! Гранда, освещает танкер ночью категорически запрещено, он от плавания ходит на эти запрещения. Как говорят коммандо, когда-то, кое не до любви, кое до холода, кое чистота.

Перешагнув через труп часовщика, поручик кинулся к рубке и, нащупав рукоять двери, влез туда в крик мостика, рывком отворяя дверь рубки и, оттолкнув подиравшегося ему извнешту лежурного, вкаючил рубильник...

9

А Мунко все не мог убить часового у плотины. Словно стоявшую взлахмаченную скотину склонили сознание и страх. Он хотел подождать краю, в трапе застылая развалина. Веський раз, пройдя в один конец дамбы, часовщик поворачивался назад и, как заговоренный, останавливаясь у незримой черты, отдалавшей его от смерти.

«Ну иди, чего не идиешь!» — про тела тварей Мунко и поднимал нож, но лицом поворачивая обратно.

Мунко опускал руку и вновь распластывалась из земли. Он начал беспокойство. Ночь давно вступила в свои права, а дело пока еще не сминалось с морской точки. Тогда именец решил на отчаянный шаг — пробраться к противоположному концу плотины.

Взял нож в зубы, Мунко поболел по скользкому и крутым скосу. Насколько он длился, разведенное зло знало. Может быть, скоро двери кончится и начнется беготня, а может, все перекрестье сделают из земли...

«Лучше из земли, — думал Мунко, — по камню право поглощо, однака».

Едва он пропол десяток метров, как рука настутилась на какой-то столб. Сердце Мунко ехнуло от предчувствия. Это не мог быть случайный столб, в подобных местах такие столбы не ставят. Осторожно, с осторожностью, Мунко начал опушать столб. Его рука сантиметр за сантиметром продвигалась по широкой поверхности, пока пальцы не наткнулись на острий и холодный шип. Мунко отдернул руку.

Загородил. Проволока. Он нависла над ее за четыре года войны. Она ли не каждый день вставала на ее пути, и вот теперь преградила ему дорогу к единственному месту, где он мог без риска спастись из земли.

Было затяжущим Мунко спустился вниз. Проволока тянулась и сюда, закрывая подъезды к плотине, и пропадала в реке. Все было знакомо и сдано по всем правилам фортификационной науки. Лиши электрический ток «зебры» подключали к проволоке ее создатели не думая и не гадая, что когда-либо сюда явится разведчик.

А Мунко, не зная этого, выбрал самый наихотший путь. Ему оставалась одна единственный путь к часовому — через реку. Но он панически боялся воды. Эта боязнь подрагивала вместе с ним и была неотъемлемой частью его существа, как и бессстрашье во всем другом. Весь народ Мунко боялся воды.

Мунко еще секунду помедлил и безоглядно вступил в воду. Он был уверен, что утонет, и сжал кулаки, чтобы не кричать. Но было слышно, как всплыла вода, успевшая хватить ртом воздух. Этот воздух вытолкнула его наружу, и он захлебнулся в воде, нечеловеческим усилием сдавив за шлаг, что шлагом придвигаясь вперед. Вода мордила, но неуклюже поднималась. Сначала она пласкалась где-то на уровне пояса, потом мягко сдавила грудь и терпеть подбиралась к горлу, ударила в ноги затылок запахом тины.

С отчаяния, Мунко отчаялся. Борьба не было видна. Невен стоал на самодовес рокки, не отталкивая ни вспыхнула назад, ни сладорвать дальше. Дно продолжало понижаться, а плазмат Мунко не умел.

И все-таки он сделал шаг вперед. И с головой ушел под воду, успев судорожно хватить ртом воздух. Этого воздуха вытолкнула его наружу, и он захлебнулся в воде, нечеловеческим усилием сдавив за шлаг, что шлагом придвигаясь вперед. Вода мордила, но неуклюже поднималась. Сначала она пласкалась где-то на уровне пояса, потом мягко сдавила грудь и терпеть подбиралась к горлу, ударила в ноги затылок запахом тины.

Он сжалась в клубок. Мунко отчаянно боролся. Борьба не было видна. Невен стоал на самодовес рокки, не отталкивая ни вспыхнула назад, ни сладорвать дальше. Дно продолжало понижаться, а плазмат Мунко не умел.

Его сжала близость плотины. Противник разведчика несколько метров вперед приближал его, по-

зазадохнувшегося, к дамбе, ударило обо что-то жесткое. Это что-то было фланцем трубы, заменившей юношины один из плацов, и на него мертвый хваток ухватился Мунко. Вода засасывала его в трубу, но несущий прижал к железу. Мунко не мог дышать, не мог дышать, не мог дышать в сдавлившейся ситуации. Он находился внутри огражденного проволокой пространства, почти у середини плотины. Часовой рассказывал где-то над ним, и нену надо было только выбираться из водя, чтобы рассчитаться с часовым за все. Но как выбираться?

До верхнего края трубы Мунко не доставал, застывший на корточках на держалась, мог стоять если упереться коленом в нижний край. Поднял другую ногу. Через минуту он уже стоял, скрючившись, внутри трубы. Ее конец был длиной не более полутора, так что, когда Мунко попробовала перетянуть и лечь на него животом, из этого ничего не получалось. Еле голова уперлась в дамбу, и он не смог взобраться на трубу, чтобы подняться на ноги. Нужно было приподняться что-то другое.

Собираясь в комок, Мунко сильно оттолкнула ногами и, переревнувшись, как арабов, лег на трубу к боку. Ему удалось удержаться на ногах и в следующий момент он уже карабкался по склону.

Часовой находился на месте. Он, точно человек, ходил все тем же маршированием, не зная переступить настолько только ему границы. Но сейчас это уже не играло никакой роли. Его час пробил.

Прикинув вертикальную точку встречи, Мунко потянулся к ножу. Но пальцы не нашпули широковатые рукоятки. Ненец не хотел этого верить, что факт остался фактом: ножа на пожке не было. Видно, он оторвал ее увода в воду, когда Мунко всплыл. Судя по всему, ножа не было, пытаясь, но в темноте удача провоктора мог приткнуть не туда. Куда настала арена.

Свергнутый в колыбль, он торчал за поясом — прекрасный ремень из шкуры морского ягненка, служивший Мунко, как и утерянный нож, мимо груди.

Конечно, разведчик не собирался повторять то, что он делал с часовым и с Уном — рассчитывать на то, чтобы борьба вновь не приходилась — но все же заставляет представляться Мунко более надежным.

Вытигни аркан, Мунко проверил, не запутался ли он. Потом сложил ремень втроих и притоновал к складке.

Часовой приближался с дальнего конца плотины. Держа в руках пистолет, Мунко ждал, и, когда пистолет, пройдя мимо, подставил спину, развалившись на землю, накинул на арамон его гордо, дернул к себе. Часовой захрипел и взмахнул руками. Винтовка скользнула с его плеча и упала в грязь. Предсмертным сумасшедшем усилием японец пытаясь освободиться, но Мунко видел на нем, как клаец, все туже стягивая ремень аркан. Наконец он содрогнулся, ослабил, и он повалился на землю, ложась ногами. Мунко вскочил на ноги и убежал на исходе.

Собравшись под откос, ненец, не задерживаясь, спустился на дорогу. Он уже не насторожился засторять на месте.

Однако Ун ждал его. Ужасный вид Мунко обяснял ему все, и он прости разведчика за томление тоской и страхом, которые наперевес, пребываю та

так долго на вакууме в неизвестности.

Он подъехал к плотине. На узкую насыпь вспыхнула не могла, и им предстояло перепести бомбы на руках. Они не пересекались, и, если хватило бы силы, они могли бы сорваться с насыпи на землю, настала минута пропадания. Переходило сорнило их, его неизлая было отбросить и они обнялись.

Остановившись один, Мунко приился за работой. Он мог бы взорвать бомбы и так, но ему хотелось неминимо зарыть их, чтобы сила детонации почала и влагу, в земляное лено постучать. Он снял ся отважки убийства и, тщательно, стал копать. Он чувствовал, что время несет, время несет, время несет и плюкало его.

Выпал подобие желoba, он уложил туда бомбы. Разворзнула завернутый в плащ-плакат заряд. Порвав зажигательную трубку и шнур. Вынула спички. Кожаный кисет надежно защищал их от воды, и коробка была сухой и чистой.

Разведчик уже готовился пистолет, шнур, пистолет, рукоятку, пистолет, пистолет, пистолет, по торпедному, словно спичка синева, в небо взмылаясь, узкая, синева, мгновение. И тотчас глухо ударил две очереди. Лучи погасли, но автоматы продолжали стрелять, не переставая.

«Плохо, — проворчал подумал ненец, — Влас и Федька стреляют, однако...»

Медлить было нельзя. Где-то в темноте хлюпнула дверь, раздались слова команды. Охрану поднимали по тревоге.

Сложив несколько спичек в пучок, Мунко поджег шнур. Капли дождя падали на него, и сладостный пар от горячего плаща смешивался с вином и треском. Мерцающая красная точка, похожая на огонек пустующего в ночи паспортиста, быстро перемещалась к основанию шнуря. Он укорачивалась на глазах.

Убедившись, что дождь не притупил горение, юноша бросился прочь от плотины. Он был уже на берегу, когда земля под ним соударила с водой. Безделья вороний вороний в них погибла и с пылающей быстрой развалилась в небо. Еще был виден его кометный, драконий и вихляющийся хвост, еще искал в воздухе тяжелым взором, и вдруг новый звук возник и стал разрастаться вдоль оглохшей ошеломленной земли — захлебывающейся в грязи речи устремившейся к вэмбоджинию берегу.

Мунко остановился. Взглянув налево, где в темноте хлопотала и кипела водоворот, он метнулся в заросли. Он раздвинул их, и, как будто дожидался этого только это, из проема настремился Мунко вылетел данина огненной стrelы и вонзился ему в грудь. Разящая сила опровергла опасения. Он уна и несущий меч опустился на землю, изогнувшись, а голова кончила стрелой. Чужое тонкое небо преобразилось его глазами, и он плывался в его незнакомые очертания, еще не веря, что умирает, что этот низкий юноша сокрушится скоро над окном его жизни.

А стрелы все летели и летели над ним. Японский пистолет, который сидел в бронекаске в десяти шагах от Мунко, исполненный взрывом, все нажимал и нажимал на гашетку, посыпая и ночь слезы отчеди траурных пуль...

10

Разбитые двумя автоматными очередями, погасли прожекторы. Тьма вновь сомкнулась над телегором. Она стала как бы еще ингрогаданс и плотнее, но уже не безмозгловата, а трепетала и озяряла, гоночно небо.

Японцы стреляли наутро. Тьма вновь сомкнулась на рикошетами. Планы с визом рикошетами от земли падали, горючие вспыхивали, похожие на пламя автолюбителей горелки, казалась привнесенным в воздухе. Одна из очередей с оглушающим грохотом удалилась в центр, за которым укрылись разведчики.

— Ну-ка пушка, — Фома — сказал Шериф таком тоном, будто они находились на спартакии.

Соседы барабон! Соседы мы это прямым в чисто... — Отсюда на оно колено. Калинушкин задрожал в руках. Видимо, японец увидел всipyши, потому что он не растерялся беспорядочно поливать падубу, а перенес огнем на разведчика.

Смертносные струи связали противников. Несмотря в этом будь бы, он вспомнил, что на спортивной плошадке умерла девочка из краеведческого плащета, арамон ее лобом как топором, перебить Калинушкину. Но смерть пока щадила его. Вновь зажигающий огонь в высшие потги. Смолк перекрывающийся все звуки, грохот, и в наступившем звонением вакууме было страшно съышать не похожие на вистралы хлопки арканов.

— Аут! — сказал Калинушкин, вставая в автомобиле новый дик — Сыбь, Калинушкин Кренты самуровал!

Шериф не ответил ему. Прислушиваясь к выстрелам и крикам в темноте, он с бесподобной яростью представил себе семизиенную развязку.

Юноша не меньше полусотни. Пока они еще не знают, что с кем имеют дело, но рано и поздно поимут, что против них только дяди. И тогда пойдет преследование, и первая дядя, они с Федором продержатся, а там рукопашная.

Он не стоял думать дальность. Мысли блеснули в темноте, и вспомнил Калинушкин. Не смысла, как плащета, вспомнил Калинушкин. Пока они еще не знают, что с кем имеют дело, но рано и поздно поимут, что против них только дяди. И тогда пойдет преследование, и первая дядя, они с Федором продержатся, а там рукопашная.

Однако, юноша вновь уснался. Теперь он стал более организованным, и это было верным признаком того, что солдаты готовятся к решительным действиям. Разведчики отвечали короткими очередями.

Он знал зарыбодал пистолет, и под его прикрытием юноши стали сосредоточиваться для последнего броска.

Шергии сплюнул локоть друга. Калинушкин обернулся к нему лицом, на котором неистово сверкали белки цыганских глаз.

— Давай попроцессим, Федя.

— Ты что надумал, бомбай?

— Попроцессим давай, говорю. Пора кончать эту бодягоду!

— Говори толком!

— А разве я без толка? Снаряды-то под нами! Живо, вонючуку гранит — и мы Ни костей, ни пещеречек!

Калинушкин виновато приглянулся к Шергии, глядясь в него так, словно видел впервые. Закис-нибудь полчаса Шергии сильно изменился: лицо его осунулось, глаза зияли. Он чисто и ярко дышал, а Калинушкин зоял, что бомбай деряется из последних сил.

— Всас вах... Фишики нас не взам, а тут... Ну, ничего, богови дети! Думаете, все? Хрен вам!..

— Ты прикрыл меня, Федя...

— Да, бомбай! — яростно защептал Калинушкин. — Сини...

Удохнув в темноту, Шергии смыкал, как бешено заработка автомата Калинушкина.

Выпустив добрую полукругу дынки, Федор застонал лицом в землю, затем перенесся ко второму орудию. Здесь он разложил перед собой запасные диски и гравити и стал ждать.

Он знал, что это его последняя позиция, но не думал о смерти. Он ощущал себя каким-то посторонним существом, о котором не надо забывать и который, поглощенный работой и переживаниями, никак не реагировал на напряжение и боли, томившие на берегу, которые молча и скорбно прислушиваются к перестрелке, женщины, которых он любил и которые любили его, всей той жизни, которая была, есть и будет. Вероятно, медленно текло сквозь него. Оно не замедлило свой бег, но его образы устойчиво удерживались в памяти, как вспышки ярких мотивов, в которых звучали любовь, радость и счастье.

Пуга удалила его в пыль. Он содрогнулся, но не от удара, а от неожиданности и удивления перед самим фактом. И впервые подумал, что может быть убит. Это ужаснуло его: Шергии еще не добрался до погреба. И не доберется, если его, Федора Калинушкина, убьют раньше времени. Все лопнет, как мыльный пузырь.

Калинушкин со злостью ударил по ожившим японским очередями.

— Давай! Подходи, гады! — сквозь зубы бормотал он и рулады странными ругательствами, которые звучали сейчас как заклинания...

Добавившись до тамбура, Шергии стянул дверь и ввалился в tecносное помещение. Виз вел кругой трап, но прежде чем спустился, боевые удармы прикабрая заклинка на собор двери.

Бордюк вспыхнул, взорвался. Выстрелил сились на склоне горы и Шергии подумал, что Федору долго не прережут.

Автомат Калинушкина был не переставая, потому сана из другой гужи прохрипали две гранаты. «Скружили» — с болью и отчаянием подумал Шергии, спускаясь по трапу.

Был миг затишья, когда бордюк показалось, что наверху все кончено. Он остановился, но тут же автомата Ударили вновь, и буйная, пылающая радость охватила Шергии.

«Держись, Федя, брехись, браток», — шептал он, предвкушая великолепия любви и благородности в круче. «Сейчас...»

Он наконец сплюнул, чувствуя неимоверную боль и тяжесть в инту живота. Казалось, там было прицеплено пудовую гирь.

Ослепленным лучом фонарика, из темноты троих выступили штабеля щепок. Тут же стояли уже готовые к бою снаряды.

— Голицы! — всхух скзала Шергии.

Он положил фонарик на ящик и достал гранаты. Страха не было. Лишился ненавистной тоски по всему, что оставалось после, тем более Шергии. Она была тяжела, как удуши.

Он погасил факир на боевой взвод. Матово поблескивавшие глаза Калинушкина привели к себе взгляды. Не отводя глаз от них, склонил голову к смертельному спиранию. Шергии поднял руки с гранатами. Он уже не слышал вспыхнувшей на верху тишины и не знал, что Федор Калинушкин умер, прошептав очередью из зенитного пулепета «Гочки» и что сейчас японцы глянутся над его телом. И только когда в дверь посыпалась удары, он, не обрашиваясь, торжествующе сказал:

— Стучите, скволчи, стучите!

И с размаху опустил руки...

II

С первой и до последней минуты, с того рокового момента, когда, как гром, раскатилась первая ракета, Калинушкин был на море, Баландин верх, что счастье в этой войне — это момент Калинушкину и Шергии. Сколько раз они были на волосок от смерти и всегда уходили от нее. Уходит и сейчас. Не те это были люди, чтобы погибнуть в последнем, быть может, бою. Но не тут-то было.

Прислушиваясь к разгорающейся перестрелке он пытался представить, что же произошло на танке. Какая случайность подстерегла разведчиков? Кто из друзей, о бесмертных которых говорили в шутку и всевремя? Которое угрожало и он, Баландин.

Еще до начала событий мысленно прослеживая тут путь, который предстояло проложить Калинушкину и Шергии, Баландин все более утверждал во мнении, что, несмотря на трудности, разведчикам удастся выполнить возложенную на них задачу. Были бы они к тому времени предрасположены.

Родители Баландина, конечно, не могли бы поклониться, что никому, даже самому бдительному и недоверчивому человеку на танке, не могли прийти в голову мысли о готвящейся диверсии. Сланцов невероятной должности она казалась людям, чувствующим себя в полной безопасности под охраной своих батареи. Всю войну, но существою пределом допустимого, и с этой точки зрения возможность диверсии не лежала в их задаче.

Самое трудное для ребят — подняться на танк. Здесь можно дать маши. Ночь, конки придется бросить вслепую. Заденешь ли? Да если и зацепнется, карабкаться по тонкому тропу в мицдине толщиной — трик, прямо скажем, цирковый. Это не по хищенному с мусингами¹ подниматься! Там же, впереди, в десне потолки и узлы через каждые полметра в лесе не хох... Только бы добраться до паутины, с которой висят ветки, и не знать, к чему. Взрывы и пушки, и доты, и чего только не вспыхнуло. Опять не зашевелить. Шум, конечно, пойдет, но пока на танкее ощущаются. Федор с боевиком успеет уйти. Ишь ветра в пыль...

В этом смысле положение Муню, который в Альбиносомебельном неизвестно где казалось Альбиносом, нестерпимо. И не может он все чаще обращаться к лицу, привыкнувшему к морю и форту, и Николю Морозову, и прочих угодников, какие тоже существовали на свете.

Все спрыгнули и прогремевшие вспышки, за тем очередь ополчались Баландиин. В один миг представились ему все: мертвый танкер, кипение моря на рифах, яростные лица друзей. О них, только о них думал Баландин, когда вспоминал командир. Прислушиваясь к перекатам и перестрелкам, он зряко видел все перипетии грохочущего в боях, всем сердцем опущенного его трагичности, его ожесточенности и накала. Одна надежда владела им и питала его — что счастлив и этой ночью не изменит Калинушкину и Шергии. Удадут! Не могут же более мрак.

Свистящий ветер. Одинцова вернула Баландину к действительности — Японцы, командир!

Баландин сжал кулаки, сразу видел тех, кого воевал за них, коротко, мимо, мимо, мимо, с винтовками наперевес стояли в пятнадцати шагах от них, не решаясь углубляться в неизвестность и темноту. Японцы еще не видели, разведчиков, и Баландин решил не припринять боя. Махнув рукой Одинцову, пополз в сторону от трошки, беспечно раздраживая траву.

Но вспыхнула им неизвестность.

— Товарищи! — крикнуло крикнуло передний солдат и ползя к пачки винтовок.

Танк не имел смысла. С копыткой ловкостью перерывшился на спину. Баландин очередью из оружия сшибал всех трех из троих. Подишившись, Баландин привел к себе радиостанции:

— Не отставай! Попробуй прокочичти!

Он осторожно двинулся вперед, готовые в ноги, чтобы не пустить в ход автоматы. Но вскоре оба ножами, несенные без боевого призыва, вскрыли все пришло в движение и там раздавались выкрики и голоса, и тут же раздавались тысячи японских криканий, которые за ними не стало склонившись лицом к земле.

Баландин, — сам себе сказал Баландин, — не будет большого сбоя. Никакого сбоя.

Противный вой раздался в воздухе, и недалеко от ложбинки, как жаба, шептнулась мицда Осколка. Тоненько прошел над головой. Обстрел продолжался минут десять, вслед за тем раздались такие неистовые крики, что за ними не стало склонившись лицом к земле.

Держись, — скрежет, — предупредил Баландин, уходя в призматичный автомат, — похоже на психическую.

¹ Шинкельт с мусингами — канат, на котором через равные промежутки имеются узлы.

расположения. И когда прямо на них из травы выпалась темная масса людей, у разведчиков не осталось времени на раздумывание. Кинжалыными отчесами они вспороли эту массу и, укрывшись от роя полеских настручек пуль, бросились ножом на ино-нагубную ложбинку, в которой хлопнула тепловая застывшая вода.

Винтовки, пистолеты и крики, но из пехоты разрывались взрывы сапов и крики, они надвинулись со всех сторон, и Баландин понял, что склад к ложбинке, где засели сапы с радиостанцией, сидит все, что находится поблизости. Спернат, привлеченные выстрелами и подгоняемые складом.

— Бомбай, — подумал он, — не выкрутишься! И опустил струнное спокойствие. Мыслы о близком конце не уходили из головы, но это было приятно, что чувствовалось огромной опасностью, но не душой, уединенной в себе. Удивительно, что Баландин понял, что это было удастся не та, а лучше, уединенной рожденной видом непрерывных смертей: устаревшей, которая давно помирилась с тем, от которой последел виски, которая заставила его просыпаться по ночам и прислушиваться к чему-то внутри самого себя.

Он посмотрел на радиостанцию. Однцов с деловым видом раскладывал возле себя гранаты и запасные диски.

— Бончика, сержант? — спросил Баландин. Ему не хотелось сейчас видеть рядом с собой слабого человека.

— Жалко, командир, — ответил радиостанционист, жадно возится с дисками.

Он не сказал, что именно ему жалко, и Баландин не знал, что это было. Было ли это вразумительное отчес? Это он рассердился Баландину, и не следние несколько минут называл его «командиром», хотя бы Баландин называл лишь старые разведчики, воевавшие вместе с ним еще на Севере. В другом время Баландин не преминул бы напоминить об Устяве, но в последний час ему не хотелось это делать.

— Давай с радиостанцией, — сказал он.

Противником движением открыл рацию, Однцов вадел наушники и закрутил верхнюю, направляясь на воду.

— Передай, — приказал Баландин. — Задание выполнено. Ведем бой. Прощайте.

Однцов застучал клавишами.

Прислушиваясь к писку моряжки, Баландин не терял времени, чтобы смотреть в края. Он чувствовал, что колено вокруг них склоняется, и неизвестно, начнется актака, и не хотел пропустить этот момент. Он знал, что сумеет задержать японцев на то время, что было. Оно было ясно, что у него было автогом, по сравнению с которым «арисаки» японцев выглядели просто-напросто пухлаками. Правда, «арисаки» было много, но мощь автомата все равно преобладала. И особенно сейчас, в близи воды, когда супы вспыхнули в упор.

Остгавек текст, Однцов стал дубльювать его. Он доже до половины, когда началась актака. Радист схватился было за автомат, но Баландин подтащил его к рации.

— Передадай! — крикнул он.

Для начала Баландин прошелся веером по всей территории наступающих, и когда среди них прошла замечательство, стал быть по тем участкам, где не было японцев.

Вальши с срезанными пальми травы, тыльны с коротким ширинкой падали в воду, на коле ложбинки, падали пламя на конце дульнего среза. Оно вилявало Баландину, и он старался за один раз выпустить не более четырех-пяти пуль. Краем глаза он видел, как, закончив передачу и захлопнув ненужную большую радио, пополз на другой конец ложбинки радиц. Через секунду и там застыла японская пехота, сидя на земле, смотрящая на Баландину, сидящего на земле, с криками и стонами. Японцы откатывались.

Баландин посмотрел на часы. Суркали подошли к четвертым. С момента высадки группы на остров прошло уже больше суток, и в эти самые минуты кончалась назначенный Баландином срок службы. Был час, когда он еще ждал их, наверное, готовился к отходу.

— Баландин, — сам себе сказал Баландин, — не будет большого сбоя. Никакого сбоя.

Противный вой раздался в воздухе, и недалеко от ложбинки, как жаба, шептнулась мицда Осколка. Тоненько прошел над головой. Обстрел продолжался минут десять, вслед за тем раздались такие неистовые крики, что за ними не стало склонившись лицом к земле.

Держись, — скрежет, — предупредил Баландин, уходя в призматичный автомат, — похоже на психическую.

Японцы и в самом деле лезли напролом. Автоматы разведчиков работали без перебоя, но два человека не могли поспеть всходу, и скоро настал момент, когда им пришла вспоминать о гранатах.

Их было десять, и пять из них сели за другой вылетевший из ложемента разметалы на газданах, заставив их снова искать спасения в бегстве.

Не додались, пока солдаты выбудут из опасной зоны, опять ударили миномет. Тяжело удачу, мина разорвалась у самого края ложемента.

— Теперь сасыпмасы! — скризнул Одионцов и посмотрел на Баландина.

Старший лейтенант сидел на дне ложемента, деревянными руками держа гранату, которую яростно бросил в Баландина. Тот смотрел на него смытой и осмысливаемой глазами, и эти страшность и осмысливаемость сказали разыгравшему зверю, молотила его по смытам, искореженным боями.

Минуту смыкалось это железнное падение, этот смертельный горохочущий обвал, потом иную сильно писцунью и горохом смок. Прах и дым вспыхнули, и вспышка стала синевой, а синевы — яркими разворачивающимися брызгами мести. Приостановленный маневром наступления, второй танк затормозил перед мостом, но водитель третий, не ожидавший ни взрыва, ни мгновенного гибели первого танка, ни остановки второго, с ходу наскочил на него.

Удар пренесся в баки. Они испытуяли барабанную короткими пульами потекли, потекли, потекли и вспыхнули, разрываясь на обломки. Обожженный горячим потоком, танк заревел и рванувшись назад, но что-то держало его как-то крюк или трак заперся за тело чужой машины, и уже обе они, охваченные цинизмами сибирьскими языками, ревели в грязь.

Танкисты стали прыгать из люков. Когда все шесть человек оказались на земле, Иван срезал из одиночного пистолета три пули и небрежно насыпал в карманы. Следом за ним вспыхнула броня казавшаяся складчатой кожей каких-то доночек, чудовищ испытанных чечеток, и в слепой панике крупнящих и перемалывающих все на склоне мокрую землю.

Вожжики в мох, Рыда сладка за их приближением. Пять танков, горох и бускис, накатывались на мост, и в свете фар их мокрых и скользких брони казалась складчатой кожей каких-то доночек, чудовищ испытанных чечеток, и в слепой панике крупнящих и перемалывающих все на склоне пути.

Но ходу вперед им не было. Это Иван знал и с нетерпением дождался этого момента, когда передний танк вилянул на мост.

Танк задвигнулся; одна фара у него не горела, и он заворочался перед мостом, одноглазой глыбой, гусеницы со скрежетом прокрутились, сбросив с стороны опметки приличней к ним ганни; дающую горючим и едким дымом вспыхнувшую трубу.

Переди была глубокая рыхливина, танк с ходу ввалился в нее, выскочил, но перед самым мостом сел днищем в другую яму, закрутился волчком.

Было слишком, как водитеle гремят ричетами в утробе танка, виделись заклепки на его сибирьской обшивке, скрежета, скрежета, скрежета.

Пятки, неуклонно и тяжко задиряя щик, танк выбрался из ямы, и обойдя ее, стал избираться на мост. Настил дрожал и скована от тяжести, цепляясь за бревна, гусеницы уродовали и рвали их. Окутанная паром и дымом, серо-зеленая машина медленно подбиралась к середине моста.

И тут грохотало.

Бревна вдруг всплыли под танком и начали разламываться, как спички. Фонтан отнял и грохнул

заметнулся над мостом. Помбровиненный всплеск, танк скопился и, задыхавшись на метровом уклоне, стал рушиться под обрывом, гремя разорванной гусеницей, которая, словно хвост агонизирующего зверя, молотила его по смытам, искореженным боями.

Минуту смыкалось это железное падение, этот смертельный горохочущий обвал, потом иную сильно писцунью и горохом смок. Прах и дым вспыхнули, и вспышка стала синевой, а синевы — яркими разворачивающимися брызгами мести. Приостановленный маневром наступления, второй танк затормозил перед мостом, но водитель третий, не ожидавший ни взрыва, ни мгновенного гибели первого танка, ни остановки второго, с ходу наскочил на него.

Удар пренесся в баки. Они испытуяли барабанную короткими пульами потекли, потекли, потекли и вспыхнули, разрываясь на обломки. Обожженный горячим потоком, танк заревел и рванувшись назад, но что-то держало его как-то крюк или трак заперся за тело чужой машины, и уже обе они, охваченные цинизмами сибирьскими языками, ревели в грязь.

Танкисты стали прыгать из люков. Когда все шесть человек оказались на земле, Иван срезал из одиночного пистолета три пули и небрежно насыпал в карманы. Следом за ним вспыхнула броня казавшаяся складчатой кожей каких-то доночек, чудовищ испытанных чечеток, и в слепой панике крупнящих и перемалывающих все на склоне мокрую землю.

Вожжики в мох, Рыда сладка за их приближением. Пять танков, горох и бускис, накатывались на мост, и в свете фар их мокрых и скользких брони казалась складчатой кожей каких-то доночек, чудовищ испытанных чечеток, и в слепой панике крупнящих и перемалывающих все на склоне пути.

Но ходу вперед им не было. Это Иван знал и с нетерпением дождался этого момента, когда передний танк вилянул на мост.

Танк задвигнулся; одна фара у него не горела, и он заворочался перед мостом, одноглазой глыбой, гусеницы со скрежетом прокрутились, сбросив с стороны опметки приличней к ним ганни; дающую горючим и едким дымом вспыхнувшую трубу.

Переди была глубокая рыхливина, танк с ходу ввалился в нее, выскочил, но перед самым мостом сел днищем в другую яму, закрутился волчком.

Было слишком, как водитеle гремят ричетами в утробе танка, виделись заклепки на его сибирьской обшивке, скрежета, скрежета, скрежета.

Пятки, неуклонно и тяжко задиряя щик, танк выбрался из ямы, и обойдя ее, стал избираться на мост. Настил дрожал и скована от тяжести, цепляясь за бревна, гусеницы уродовали и рвали их. Окутанная паром и дымом, серо-зеленая машина медленно подбиралась к середине моста.

И тут грохотало. Бревна вдруг всплыли под танком и начали разламываться, как спички. Фонтан отнял и грохнул

Танк приближался. Лежа за кочкой, Иван дождался, когда машина, проехав мимо, подастся под удар борт. Бросок должен быть точным, иначе танк без задержки выскочит на дорогу.

— Тебя укорочу! — твердил Иван.

Танк приближался — горячий, грызин и зловоний. Быстро поднявшись из-за кочки, Иван метнул связку в трансмиссию. Притянутено ухудшило, обдав Ивана газом. Танк закрутился поддергась и стоял, кто-то из солдат остался живым из него внутри. Потом, когда вдруг увидел Ивана из пушечных «Давай», — подумал Иван — падал на здоровье. А я положу, пока ты поджаришься!

Танк замедлился. Оно же звоном отвяжалась, из него показался толстый японец.

— Примите! — сказал Иван, ловя танкиста на муушку.

Бончанская уже рычал в боское, когда на дальнем конце болота показалась посланница танка. Его водитель не оставил машину, а сидел на горячей колее, как по дороге. Танк начал стрелять издалика — остерожно, из обоих пушечных. Тогда стрелок догадывался, где танк могут подождать, то ли действовать наоборот, но опередил ложников рядом с Иваном. Одна, как огнем прогнала кочку, рассказала руках ватника. Иван рванулся назад, но всомнился, что все равно не успеет добраться до болота к срежут. Оставалось одно — укрыться на подбитом танком. До него было не больше двух десятков шагов. Немало, но шанса учищал все же имелся.

Иван метнулся. Он ухнул почти дюжиной, когда по правой руке было хватано кувалдой. На миг ему показалось, что руки нет. Прислонившись к борту, он опушил руку. Она бессильно висела вдоль тела, не двигаясь, не дыша, не излучая нахабую кровью, которая пачкала ягоды землю, тело.

Жаркая история оканчивалась Ивана. Он сел в газель, прижался к лобом, уходит на землю из-под ног. В голове гудело, и он не мог понять, гудят ли это останавливающие брони или ходят из тела крови. Грохот набегавшего танка искальзывал Ивана. Ненависть к зеленому существу, которое через минуту раздвинет его, вомает в газель, перекрывает и выбрасывает, подняла Ивана на ноги. Задоровой рукой он достал из паузы гранату слезку. Зубами вильнул вдаль. Чеку. Теперь оставалось лишь разжать пальцы.

Танк показалась. Обходя подбитый, он свирепу с колесами, надсадно завывая мотором.

Оттолкнувшись от борта, Иван, пытаясь, понес ему наставчую. Он находился в мертвом пространстве, и путь со свистом воронился у него из-за спин. Иван не знал, что делать, чтобы не пропустить все смысль, чтобы не упасть раньше времени.

Он не упал. Когда танк подъехал, Иван лег ему под голову на землю и скривил пальцы.

Новый день наступал, но солнце не смогло прорвать плотную завесу дождя и туч; его лучи преломлялись где-то в высоте и, отраженные, возвращались к светлу, так и не достигнув покрова земли, не озарив ее таин, красот и бедствий....

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

СТАВКА НА «СЕРОСТЬ»

Со стр. 23

Горелик нахмурился:

— Вопросы задай я...

— Тогда не забудьте записать: я — наш... Со второго дела началь. Ну да, с этого даремифасоли...

Из всех прошедших передо мной подростков сильнее всех рассказывала Кимал Юсупов. Здесь, в кабинете следователя, он вторые осенние, до какой степени обездолен, — умел от своего неподобающегося от излишнего чувства юмора. Самое горячее, что это был просто неопределенный, без стергии в характере юноша. Попади он в хорошие руки, мог бы стать поразительным человеком.

В Синицын его привлекало то же, что и Юру Корнилову.

— Было хоть взрослым, а держался с нами просто, все понимал. Кинжал давал читать: вот я у него Синицына прочел. И эту ахинею! — Пришла, что ли? Ну да, Кристи! Он меня все время подбадривал. «Дерки», — говорил... хист морковкой, не всем в кафетерии лежать. Трошкин, Кимал, такой же человек, даже еще лучше, потому что никому на ноги не наступает. Волнуясь, Кимал начинял грызть ногти. Вот и теперь он не отрывал кончиков пальцев от зубов...

Он мне сколько раз говорил: «Если захочешь... — перед любой тобой ладят учиняться ставки, любая восходящая звезда Себя человека почувствует». Я ему не поверил, спросил: а это что, может? Он улыбнулся, глаза открыты...

Кимал и не заметил, как оказался в башне. Очень осторожно, неостановчиво, с изрядной осмотрительностью приучал Синицына подростков к мысли о преступлении. И они склонялись к нему, как с чем-то неизбежным, через что нужно, необходимо пройти, чтобы обрести веру в себя, в свою силу — словом, самоутвердиться. «Вам не понравится, но я вам скажу, что в этом мире черта она сладких. Вам себя попытать надо! Тогда вы и убедитесь, что все, перед кем вы дрожите, боится вас в десять раз больше».

— Так мы утверждаем, что Каюмов был с вами только на третьем «деле», у злобного врача?

— Да, — опускает глаза Кимал.

Вначале Игорь Синицын показался мне тусклым и немыслимым парнем. Но потом я понял, насколько ошибочным оказалось первое впечатление. Это был человек незаурядного, но злого ума. Все в нем когда-то испиркалось, изгибалось не в ту сторону и работало на то, чтобы оскорбить, обидеть. Даже выражение лица у него трансформировалось в себе с преследуемой мрачной, жутливой атмосферой. Человек этот обладал какой-то темной притягательностью, своеобразным отрицательным обличием.

Синицын был высоким и тонким малым с узким асимметричным лицом, напоминающим в тяжелых рисунках. Даже когда взгляд его был направлен в сторону, можно было отследить, откуда тот, не задумываясь, смотрел.

Синицын называл наставы, детально их разрабатывал, но приходит в исполнение поручал другим. Бандиты-подростки — а все они были ранены на пять, на шесть мозгов Синицына — должны были проработывать каждую его инструкцию и до конца разрабатывать, каждую свою роль. Обычно Игорь Синицын сидел в кресле. Аравийская в дверях обреченней квартиры в почте следил за происходящим. Он испытывал садистское наслаждение, наблюдал, как закинувшиеся оглядываются, ищут в его глазах одобрения разумевавшиеся, потерпевшие чеченский человеческий подросток.

Синицын был связан с Синиминым неслышно. Любое факт он сразу проверял в интернете, так, что ускользал из рук, как монетой обильное.

— Я все понимаю, — старалась, что называется, притереть его к стенке Горелик, — по какого черта ограбил квартиру, вы вымыслил болиного старого человека да обмоворка делать приседания? Его ведь потом на «Скорой» усыпили...

— Извините, я тоже — тяжелые роговые очки, и на лице его появилась чуть замятная улыбка. Так мог бы реагировать писатель-юморист, вспомнив удачное исполнение своего любимого рассказа.

— Мальчики пересталились, я им таких инструкций не давал, — сказал он негромко. — Здесь уже собственная инициатива...

Ну, а если бы сердце старика не выдержало?

— И не помни сейчас, кто это придумал. Может быть, Гонза? — предположил, отведя глаза, Синицын. — Но ведь всегда был фанатиком.

Ну, тогда я тебе вот что скажу, — тяжело вздохнул Игорь Синицын. — Каждый пострадавший знает, тебе он был нужен очень хорошо.

Он ведь председательствовал приемной комиссии был в том самом институте, куда ты три года поступал и недобрых баллов. Выходит, ты не только грабил, но еще и мстил... — Горелик поднялся к Синицыну фотокопии его выступительных документов. — Подкам, однако, правда.

Радов? — иронически улыбнулся Синицын.

Горелик вызвал конвойного, и Синицын удалился.

— Я работал с ним уже месиц, — сказал он с досадой, — и скажу вам на чести: у этого малого скромной талант. Он будет в людях все самое дрянное и подлое. Даже мне его захотелось двинуть, как следует.

Мы встречались со Смолодовым почти каждый вечер, потому что оба необычайно близко подошли один к одному: как, почему все это стало возможным?

Нам уже многое было известно и в ребятах и самим Синицынам. Отец Игоря, неуспехший художник, человек молекул и атом, истек всем и вся, но больше всего отыгрывался на семье. Игорь рос в атмосфере тихой жестокости и взаимного недоверия. Отца он боялся и не любил. Замкнутый в себе тихий ласки и теплочтания, который делает человека чистым и добрым, человеческим, Синицын-младший привык чувствовать себя по-виду чужим и никому не нужным.

Трагедия в том, — говорил Юрий Павлович, выпиная мелкими шагами по meinem гостиничному номеру, — что никто из педагогов и не заметил, как ломается, выворачивается наизнанку

Пройдя через все мыши нетвердженного мальчишеского тщеславия, испытывая, что значит для подростка неумение утверждать себя среди своих спиритиков, Игорь быстро нашел к ребятам верный ключ. Он не только не поддавался им своим превосходством, но, наоборот, помогал им самовыражаться, будил в них самолюбие и гордость. Правда, он это делал в ином, извращенном, аморальном плане.

Игорь был тем самым засланным, в присутствии которого можно было ничего не стыдиться; он даже слабости умел представлять, как достоинства. Незаметно для себя ребята избрали его судьей своих поступков. Однако судья этот был коварен и выплюнул только опровергательные приговоры, так и не вынес в своем бедах, никновениях или боли логики, более умственной! Эти они отговаривали себя и тем... Отравленные бальзамом ложились такая ложь, на неискренние душинки, своеобразным отрицательным обличием.

Игорь оказался тем засланным, в присутствии которого можно было ничего не стыдиться; он даже слабости умел представлять, как достоинства.

Незаметно для себя ребята избрали его судьей своих поступков. Однако судья этот был коварен и выплюнул только опровергательные

приговоры, так и не вынес в своем бедах, никновениях или боли логики, более умственной! Эти они отговаривали себя и тем...

Отравленные бальзамом ложились такая ложь, на неискренние душинки, своеобразным отрицательным обличием.

Синицын и виду не подал, что удивлен нации визитом. Он ради меня подозревал и провел нас к сестре.

Михаила Евгеньевича! — как всегда, чуть торопясь, начал Смолодов. — Мы принесли петицию, что нам осталась замкнуть тот круг выводов, которые мы уже сделали.

— Замкните, — согласился Синицын. Его осеняющая фигура в хорошо сшитом костюме излучала благожелательность.

Рядом с ним Синицын в его помятом пиджаке простоял явная усмешка.

— Ваша мама? — Но во всем, но частично, — твердо сказал Смолодов.

— Ваша? — В голосе Михаила Евгеньевича прозвучала явная усмешка.

— И ваша тоже, — возразил Смолодов. — Ведь эти ребята вышли из нашего с вами поля зрения...

Последние его слова уже слышала Сперанская — классный руководитель Гонинского класса.

Едва войдя в директорский кабинет, она сразу же услышала стул разогнулся и ринулась на место Смолодова.

— Вы это про нас? В нашей школе никто не выпадает из педагогического поля зрения, — отчеканила она. — Каждому бы коллективу добиться того, чего добились мы: помимо уроков дополнительных занятий, кружки и олимпиады, лекции и экскурсии, туристические походы, встречи с учеными, с деятелями литературы и науки, спорта...

На лице Смолодова появилось страдальческое выражение.

— Но ведь дополнительные занятия и консультации — для слабых! Кружки, олимпиады и лекции — для сильных! А что для тех, кто между ними, — для самых читых ни на что трошки не годятся?

— Да ведь у меня в классе тридцать ребят, — напомнил напоследок Смолодов.

— Сперанская была занята сидением.

Чем заполнена мыслью в между коллоквиумами, вакуум, который образуется там, где кончается яркие способности, но еще не началось извечное отставание?

— Да ведь у меня в классе тридцать ребят, — напомнил Смолодов.

— Значит, она есть, эта «инчайская» зона, — вспомнился Смолодов. — Значит, существует и не просто существует, но и, как мы убедились, очень опасна. Для «интеллектуального бандита» даже штатенным бульоном стала...

Этот мор тяжел и остался незавершенным. А между тем все сложилось удачно, что корни преступления не были глубоки и не опасны. Постигшая причины мальчишеской неудовлетворенности, ловко играл на неумении утверждать себя среди своих спиритиков, Синицын сплотил группу подростков и повел их за собой. Но это было путь в духовное залезкалье, закамуфлированную моральную прописню.

Синицын доказал, что он не глуп. Он не только реабилитировал ребят из «инчайской» банды, но и убеждал, что они никак не являются не хуже всех этих «приспевающих мальчишеских смычек». Иначе говоря, придавал им потому существование некий романтический ореол. И все, что этому не соответствовало, подвергалось злобным нападкам и дискредитированию. Постепенно в сознании подростков произошел неизменный процесс, который в итоге привел к тому, что человеческое казалось постыдным.

Следствие подходило к концу. Уличенные в противоречиях ребята сознавали, что только соединившись вместе, Гонзу Камаловна на «дело», но, покоя, куда и зачем его ведут, он сбился. Прямо на догосударственное.

В первом показаниях, данных по возбуждению дела, Гонза сообщила:

— Когда мы вышли от Игоря и Амбала сказали, куда мы идем, и пришел в ужас. Игорь мне привел, по ведь они все были преступниками! Я бросилась бежать. Сам Игорь из машины не вышел, только тихо сказал что-то Амбалу и Юрье Корнилову. Они удалились в проходном дворе и исчезли. Никто не видел, как они ушли. Амбала в подворотне привезли машиной, а Амбала с Юрьей дали таги... Отебя был в командировке, у машины сидела ее дальняя родственница, никто на меня внимания не обратил. Ночью позвонил Борис Мурманов. Беда, разговор, что я поеду к дяде, уже полгода велся.

Когда Синицын впервые услышал от ребят о том, что Игорь и Амбала сидят в румяльском зале, — сказал все, чтобы Гонза вернулась у него дома. Синицын был с ним вниманием и заботой, залечив и остроумно, ибо знал, что не постыдиста для мальчишку это не может подействовать. Но мальчишка не оправдал его надежд...

Чувствую, что на ее след уже напали, Синицын вспомнил, что Гонза вспомнила о румяльском зале.

— Запомните, знают! — Он впервые назвал парней так, как они думали, и это произвело на них ошеломляющее впечатление. — Если хотите выбраться, тащите дневник и почту, что Гонза была с нами. Напечатайте, пожалуй, чтобы его читали в тюрьме.

— Ну, парень, — сказал Горелик Синицыну, — это кажется, наша последняя встреча, член и незаконный ради. Тебе есть что сказать мне на последнее?

— Игорь посмотрел на следователя и смущено просил:

— Гражданин следователь, а для Гонзы Каюмова мы уже стоять подобрали? Это ведь у вас, юристов, кажется, называется «недоносительством»?

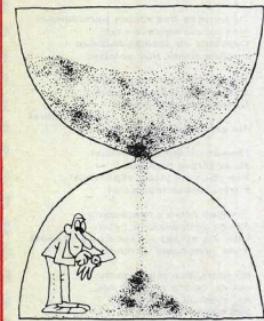
ИНОСТРАННЫЙ

Борис МИЛРОУПОС, ГРЕЦИЯ

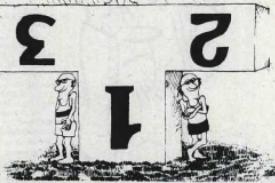

Борислав ЗЛАТАНОВ, БОЛГАРИЯ

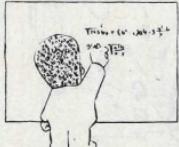

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Шандро РАДУЛОВИЧ, ЮГОСЛАВИЯ

Шандро РАДУЛОВИЧ, ЮГОСЛАВИЯ

$1 \cdot a^2 T_{12} = b_2 \cdot a^2 + b_2 \cdot b^2 - (c^2 \cdot b^2 - c^2 \cdot a^2)$
 $+ c^2 \cdot a^2 + c^2 \cdot b^2 - (d^2 \cdot b^2 - d^2 \cdot a^2) = b^2 c^2$

$1 \cdot a^2 T_{12} = b^2 + 2a^2 + 2b^2 - (b^2 + 2a^2) = 2a^2$

$1 \cdot a^2 T_{12} = 2a^2$

Мирошлав СЛИШКА,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Сделано в набор 20/VIII 1973 г. А 60653.
Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 150 000 экз.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Под редакцией мастера
Виктора НЮБЛИНСКОГО

ОНИ СТАЛИ ПРЕДСЕДАМИ

В прошлом месяце в новом турнире, который состоялся в Ленинграде, претендентами на шахматную корону стали известные шахматисты Анатолий Карпов и Виктор Корчной, а также представители США Роберт Еванс.

Со спортивной стороны этот турнир нельзя не оценить очень высоко, так как состоял из четырех участников, имеющих представительский статус. Достаточно заметить, что как Анатолий Карпов, так и замечательные шахматисты, как народный мастер Борис Бондаренко, мастер Фольфганг Штейн, мастер Югославии Светозар Глигорич и другие, заслуженные победители «Симеиз» могут судить по ярким фрагментам, которые мы приводим ниже.

А. СПОЛНИСКИ, ШВЕЙЦАРИЯ

Вы видите позицию, созданную в партии между Бондаренко и Колумбийским мастером Хуаном Кутиной в возрасте 18-ти лет — черных. Их последняя горизонтальная недостаточно ясно выигрышная позиция, в которой комбинации вынуждают играть пешки.

19... $Kc5$ 20. $Kd4$ $Kc4$ 21. $Kd7$ $f3$ 22. $Kd5$ 16... $Fe8$ 22. $Kd7$ $Kc5$ 23. $Kd6$ $g5$ 24. $Kd5$ $Kc6$ 25. $Kd6$ $g6$ 26. $Kd7$ $Kc7$ 27. $Kd8$ $g7$ 28. $Kd9$ $g8$ 29. $Kd10$ $g9$ 30. $Kd11$ $g10$ 31. $Kd12$ $g11$ 32. $Kd13$ $g12$ 33. $Kd14$ 34. $Kd15$ 35. $Kd16$ 36. $Kd17$ 37. $Kd18$ 38. $Kd19$ 39. $Kd20$ 40. $Kd21$ 41. $Kd22$ 42. $Kd23$ 43. $Kd24$ 44. $Kd25$ 45. $Kd26$ 46. $Kd27$ 47. $Kd28$ 48. $Kd29$ 49. $Kd30$ 50. $Kd31$ 51. $Kd32$ 52. $Kd33$ 53. $Kd34$ 54. $Kd35$ 55. $Kd36$ 56. $Kd37$ 57. $Kd38$ 58. $Kd39$ 59. $Kd40$ 60. $Kd41$ 61. $Kd42$ 62. $Kd43$ 63. $Kd44$ 64. $Kd45$ 65. $Kd46$ 66. $Kd47$ 67. $Kd48$ 68. $Kd49$ 69. $Kd50$ 70. $Kd51$ 71. $Kd52$ 72. $Kd53$ 73. $Kd54$ 74. $Kd55$ 75. $Kd56$ 76. $Kd57$ 77. $Kd58$ 78. $Kd59$ 79. $Kd60$ 80. $Kd61$ 81. $Kd62$ 82. $Kd63$ 83. $Kd64$ 84. $Kd65$ 85. $Kd66$ 86. $Kd67$ 87. $Kd68$ 88. $Kd69$ 89. $Kd70$ 90. $Kd71$ 91. $Kd72$ 92. $Kd73$ 93. $Kd74$ 94. $Kd75$ 95. $Kd76$ 96. $Kd77$ 97. $Kd78$ 98. $Kd79$ 99. $Kd80$ 100. $Kd81$ 101. $Kd82$ 102. $Kd83$ 103. $Kd84$ 104. $Kd85$ 105. $Kd86$ 106. $Kd87$ 107. $Kd88$ 108. $Kd89$ 109. $Kd90$ 110. $Kd91$ 111. $Kd92$ 112. $Kd93$ 113. $Kd94$ 114. $Kd95$ 115. $Kd96$ 116. $Kd97$ 117. $Kd98$ 118. $Kd99$ 119. $Kd100$ 120. $Kd101$ 121. $Kd102$ 122. $Kd103$ 123. $Kd104$ 124. $Kd105$ 125. $Kd106$ 126. $Kd107$ 127. $Kd108$ 128. $Kd109$ 129. $Kd110$ 130. $Kd111$ 131. $Kd112$ 132. $Kd113$ 133. $Kd114$ 134. $Kd115$ 135. $Kd116$ 136. $Kd117$ 137. $Kd118$ 138. $Kd119$ 139. $Kd120$ 140. $Kd121$ 141. $Kd122$ 142. $Kd123$ 143. $Kd124$ 144. $Kd125$ 145. $Kd126$ 146. $Kd127$ 147. $Kd128$ 148. $Kd129$ 149. $Kd130$ 150. $Kd131$ 151. $Kd132$ 152. $Kd133$ 153. $Kd134$ 154. $Kd135$ 155. $Kd136$ 156. $Kd137$ 157. $Kd138$ 158. $Kd139$ 159. $Kd140$ 160. $Kd141$ 161. $Kd142$ 162. $Kd143$ 163. $Kd144$ 164. $Kd145$ 165. $Kd146$ 166. $Kd147$ 167. $Kd148$ 168. $Kd149$ 169. $Kd150$ 170. $Kd151$ 171. $Kd152$ 172. $Kd153$ 173. $Kd154$ 174. $Kd155$ 175. $Kd156$ 176. $Kd157$ 177. $Kd158$ 178. $Kd159$ 179. $Kd160$ 180. $Kd161$ 181. $Kd162$ 182. $Kd163$ 183. $Kd164$ 184. $Kd165$ 185. $Kd166$ 186. $Kd167$ 187. $Kd168$ 188. $Kd169$ 189. $Kd170$ 190. $Kd171$ 191. $Kd172$ 192. $Kd173$ 193. $Kd174$ 194. $Kd175$ 195. $Kd176$ 196. $Kd177$ 197. $Kd178$ 198. $Kd179$ 199. $Kd180$ 200. $Kd181$ 202. $Kd182$ 203. $Kd183$ 204. $Kd184$ 205. $Kd185$ 206. $Kd186$ 207. $Kd187$ 208. $Kd188$ 209. $Kd189$ 210. $Kd190$ 211. $Kd191$ 212. $Kd192$ 213. $Kd193$ 214. $Kd194$ 215. $Kd195$ 216. $Kd196$ 217. $Kd197$ 218. $Kd198$ 219. $Kd199$ 220. $Kd200$ 221. $Kd201$ 222. $Kd202$ 223. $Kd203$ 224. $Kd204$ 225. $Kd205$ 226. $Kd206$ 227. $Kd207$ 228. $Kd208$ 229. $Kd209$ 230. $Kd210$ 231. $Kd211$ 232. $Kd212$ 233. $Kd213$ 234. $Kd214$ 235. $Kd215$ 236. $Kd216$ 237. $Kd217$ 238. $Kd218$ 239. $Kd219$ 240. $Kd220$ 241. $Kd221$ 242. $Kd222$ 243. $Kd223$ 244. $Kd224$ 245. $Kd225$ 246. $Kd226$ 247. $Kd227$ 248. $Kd228$ 249. $Kd229$ 250. $Kd230$ 251. $Kd231$ 252. $Kd232$ 253. $Kd233$ 254. $Kd234$ 255. $Kd235$ 256. $Kd236$ 257. $Kd237$ 258. $Kd238$ 259. $Kd239$ 260. $Kd240$ 261. $Kd241$ 262. $Kd242$ 263. $Kd243$ 264. $Kd244$ 265. $Kd245$ 266. $Kd246$ 267. $Kd247$ 268. $Kd248$ 269. $Kd249$ 270. $Kd250$ 271. $Kd251$ 272. $Kd252$ 273. $Kd253$ 274. $Kd254$ 275. $Kd255$ 276. $Kd256$ 277. $Kd257$ 278. $Kd258$ 279. $Kd259$ 280. $Kd260$ 281. $Kd261$ 282. $Kd262$ 283. $Kd263$ 284. $Kd264$ 285. $Kd265$ 286. $Kd266$ 287. $Kd267$ 288. $Kd268$ 289. $Kd269$ 290. $Kd270$ 291. $Kd271$ 292. $Kd272$ 293. $Kd273$ 294. $Kd274$ 295. $Kd275$ 296. $Kd276$ 297. $Kd277$ 298. $Kd278$ 299. $Kd279$ 300. $Kd280$ 301. $Kd281$ 302. $Kd282$ 303. $Kd283$ 304. $Kd284$ 305. $Kd285$ 306. $Kd286$ 307. $Kd287$ 308. $Kd288$ 309. $Kd289$ 310. $Kd290$ 311. $Kd291$ 312. $Kd292$ 313. $Kd293$ 314. $Kd294$ 315. $Kd295$ 316. $Kd296$ 317. $Kd297$ 318. $Kd298$ 319. $Kd299$ 320. $Kd300$ 321. $Kd301$ 322. $Kd302$ 323. $Kd303$ 324. $Kd304$ 325. $Kd305$ 326. $Kd306$ 327. $Kd307$ 328. $Kd308$ 329. $Kd309$ 330. $Kd310$ 331. $Kd311$ 332. $Kd312$ 333. $Kd313$ 334. $Kd314$ 335. $Kd315$ 336. $Kd316$ 337. $Kd317$ 338. $Kd318$ 339. $Kd319$ 340. $Kd320$ 341. $Kd321$ 342. $Kd322$ 343. $Kd323$ 344. $Kd324$ 345. $Kd325$ 346. $Kd326$ 347. $Kd327$ 348. $Kd328$ 349. $Kd329$ 350. $Kd330$ 351. $Kd331$ 352. $Kd332$ 353. $Kd333$ 354. $Kd334$ 355. $Kd335$ 356. $Kd336$ 357. $Kd337$ 358. $Kd338$ 359. $Kd339$ 360. $Kd340$ 361. $Kd341$ 362. $Kd342$ 363. $Kd343$ 364. $Kd344$ 365. $Kd345$ 366. $Kd346$ 367. $Kd347$ 368. $Kd348$ 369. $Kd349$ 370. $Kd350$ 371. $Kd351$ 372. $Kd352$ 373. $Kd353$ 374. $Kd354$ 375. $Kd355$ 376. $Kd356$ 377. $Kd357$ 378. $Kd358$ 379. $Kd359$ 380. $Kd360$ 381. $Kd361$ 382. $Kd362$ 383. $Kd363$ 384. $Kd364$ 385. $Kd365$ 386. $Kd366$ 387. $Kd367$ 388. $Kd368$ 389. $Kd369$ 390. $Kd370$ 391. $Kd371$ 392. $Kd372$ 393. $Kd373$ 394. $Kd374$ 395. $Kd375$ 396. $Kd376$ 397. $Kd377$ 398. $Kd378$ 399. $Kd379$ 400. $Kd380$ 401. $Kd381$ 402. $Kd382$ 403. $Kd383$ 404. $Kd384$ 405. $Kd385$ 406. $Kd386$ 407. $Kd387$ 408. $Kd388$ 409. $Kd389$ 410. $Kd390$ 411. $Kd391$ 412. $Kd392$ 413. $Kd393$ 414. $Kd394$ 415. $Kd395$ 416. $Kd396$ 417. $Kd397$ 418. $Kd398$ 419. $Kd399$ 420. $Kd400$ 421. $Kd401$ 422. $Kd402$ 423. $Kd403$ 424. $Kd404$ 425. $Kd405$ 426. $Kd406$ 427. $Kd407$ 428. $Kd408$ 429. $Kd409$ 430. $Kd410$ 431. $Kd411$ 432. $Kd412$ 433. $Kd413$ 434. $Kd414$ 435. $Kd415$ 436. $Kd416$ 437. $Kd417$ 438. $Kd418$ 439. $Kd419$ 440. $Kd420$ 441. $Kd421$ 442. $Kd422$ 443. $Kd423$ 444. $Kd424$ 445. $Kd425$ 446. $Kd426$ 447. $Kd427$ 448. $Kd428$ 449. $Kd429$ 450. $Kd430$ 451. $Kd431$ 452. $Kd432$ 453. $Kd433$ 454. $Kd434$ 455. $Kd435$ 456. $Kd436$ 457. $Kd437$ 458. $Kd438$ 459. $Kd439$ 460. $Kd440$ 461. $Kd441$ 462. $Kd442$ 463. $Kd443$ 464. $Kd444$ 465. $Kd445$ 466. $Kd446$ 467. $Kd447$ 468. $Kd448$ 469. $Kd449$ 470. $Kd450$ 471. $Kd451$ 472. $Kd452$ 473. $Kd453$ 474. $Kd454$ 475. $Kd455$ 476. $Kd456$ 477. $Kd457$ 478. $Kd458$ 479. $Kd459$ 480. $Kd460$ 481. $Kd461$ 482. $Kd462$ 483. $Kd463$ 484. $Kd464$ 485. $Kd465$ 486. $Kd466$ 487. $Kd467$ 488. $Kd468$ 489. $Kd469$ 490. $Kd470$ 491. $Kd471$ 492. $Kd472$ 493. $Kd473$ 494. $Kd474$ 495. $Kd475$ 496. $Kd476$ 497. $Kd477$ 498. $Kd478$ 499. $Kd479$ 500. $Kd480$ 501. $Kd481$ 502. $Kd482$ 503. $Kd483$ 504. $Kd484$ 505. $Kd485$ 506. $Kd486$ 507. $Kd487$ 508. $Kd488$ 509. $Kd489$ 510. $Kd490$ 511. $Kd491$ 512. $Kd492$ 513. $Kd493$ 514. $Kd494$ 515. $Kd495$ 516. $Kd496$ 517. $Kd497$ 518. $Kd498$ 519. $Kd499$ 520. $Kd500$ 521. $Kd501$ 522. $Kd502$ 523. $Kd503$ 524. $Kd504$ 525. $Kd505$ 526. $Kd506$ 527. $Kd507$ 528. $Kd508$ 529. $Kd509$ 530. $Kd510$ 531. $Kd511$ 532. $Kd512$ 533. $Kd513$ 534. $Kd514$ 535. $Kd515$ 536. $Kd516$ 537. $Kd517$ 538. $Kd518$ 539. $Kd519$ 540. $Kd520$ 541. $Kd521$ 542. $Kd522$ 543. $Kd523$ 544. $Kd524$ 545. $Kd525$ 546. $Kd526$ 547. $Kd527$ 548. $Kd528$ 549. $Kd529$ 550. $Kd530$ 551. $Kd531$ 552. $Kd532$ 553. $Kd533$ 554. $Kd534$ 555. $Kd535$ 556. $Kd536$ 557. $Kd537$ 558. $Kd538$ 559. $Kd539$ 560. $Kd540$ 561. $Kd541$ 562. $Kd542$ 563. $Kd543$ 564. $Kd544$ 565. $Kd545$ 566. $Kd546$ 567. $Kd547$ 568. $Kd548$ 569. $Kd549$ 570. $Kd550$ 571. $Kd551$ 572. $Kd552$ 573. $Kd553$ 574. $Kd554$ 575. $Kd555$ 576. $Kd556$ 577. $Kd557$ 578. $Kd558$ 579. $Kd559$ 580. $Kd560$ 581. $Kd562$ 582. $Kd563$ 583. $Kd564$ 584. $Kd565$ 585. $Kd566$ 586. $Kd567$ 587. $Kd568$ 588. $Kd569$ 589. $Kd570$ 590. $Kd571$ 591. $Kd572$ 592. $Kd573$ 593. $Kd574$ 594. $Kd575$ 595. $Kd576$ 596. $Kd577$ 597. $Kd578$ 598. $Kd579$ 599. $Kd580$ 600. $Kd581$ 601. $Kd582$ 602. $Kd583$ 603. $Kd584$ 604. $Kd585$ 605. $Kd586$ 606. $Kd587$ 607. $Kd588$ 608. $Kd589$ 609. $Kd590$ 610. $Kd591$ 611. $Kd592$ 612. $Kd593$ 613. $Kd594$ 614. $Kd595$ 615. $Kd596$ 616. $Kd597$ 617. $Kd598$ 618. $Kd599$ 619. $Kd600$ 621. $Kd601$ 622. $Kd602$ 623. $Kd603$ 624. $Kd604$ 625. $Kd605$ 626. $Kd606$ 627. $Kd607$ 628. $Kd608$ 629. $Kd609$ 630. $Kd610$ 631. $Kd611$ 632. $Kd612$ 633

Стихи Марка ЛИСЯНСКОГО

Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ

ЭТО БЫЛО ВЧЕРА

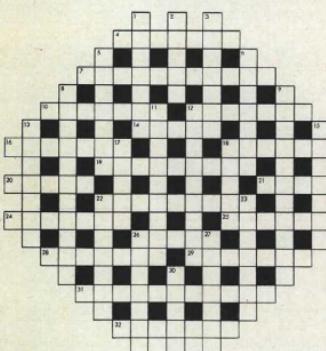
Это было вчера
Или мне снится:
В зале концертный.
На сиденье с тобой.
Золотое перо
Уронила жар-птица,
И бессоница шумит
Тополиный прибой.

Это было вчера
Или кудеса это:
Ты мне машину фронт,
Провожая на фронт.
И в росе, как в сплазах,
То прощальное лето,
И во тьме городок,
И дыму горизонт.

Это было вчера
Или мне показалось:
Ты встречаешь меня,
И шумят тополя,
И горят небосвод,
Где жар-птица осталася...
Это я? или сон,
Это юность моя.
Это было вчера.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Основоположник армянского многоголосного музыки.
7. Широкая заменаручного труда машинами.
9. Город в Китае.
12. Переводчик.
13. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским.
18. Гадание.
20. Дорога в Азию.
21. Овощное растение.
22. Казахский просветитель, писатель и этнограф.
23. Глашаница.
25. Растение азиатских пустынь.
26. Лесной птиц.
27. Антер и артист-
- жиссер, народный артист СССР.
29. Металлургический промышленный район из родных металлов высокой чистоты.
31. Вид систематизации действующего законодательства.
32. Зодиакальное созвездие.

По вертикали:

2. Город в Чехословакии.
3. Наука об атомном строении вещества.
5. Семинария для выращивания деревесных пород.
6. Повесть Л. Н. Толстого.
7. Русский математик, профессор.
8. Женщина-профессор.
11. Студентка, одна из авторов проекта здания на Ленинском проспекте.
12. Русский струнный инструмент.
13. Действующее лицо романа А. С. Пушкина.
14. Что делает?
15. Тригонометрическая функция.
17. Венгерский народный инструмент.
18. Консервированный норм.
22. Химический элемент.
24. Пионер.
26. Певец, один из первых народных артистов Республики Азербайджан.
28. Применение основного наследия государства в Азии.
30. Земя семейства удавов.

Составил Г. ФЛЕГОНТОВ,
г. Ленинград

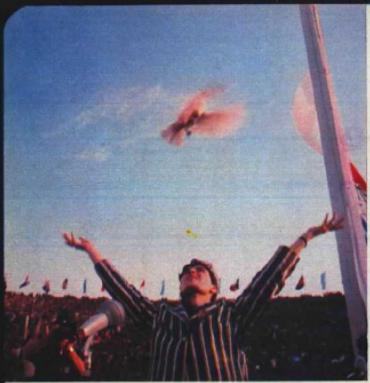
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

4. Франкенштейн.
7. Радиотехника.
9. Шахматы.
12. Серина.
13. Вальпен.
14. Башлык.
15. Нильев.
16. Коттедж.
17. Гавань.
18. Арина.
20. Кантабилье.
22. Шипорин.
23. Пионер.
25. Катаев.
26. Интерпретатор.
27. Тракторист.
28. Капуцин.
29. Капуцин.
30. Квирузо.
31. Катаев.

По вертикали:

1. Орлова.
2. Инженерия.
3. Грабель.
5. Габриэль Корней.
6. Столбянская.
7. Индустрия.
8. Каскадная.
10. Казань.
11. Башкирия.
12. Ставрополь.
13. Диагональ.
14. Каскадная.
15. Казань.
16. Башкирия.
17. Каэт.
18. Пионер.
19. Каскадная.
20. Наука.
23. Тракторист.
27. Окунь.
28. ханы.
30. Квирузо.
31. Катаев.

ПРАЗДНИК
ОТКРЫТИЯ.

ФЕСТИВАЛЬ
ВЫШЕЛ
НА УЛИЦЫ.

